

Игра с цветами смерти

Наталья
Солнцева

К чему снится кровь

Игра с цветами смерти

Наталья Солнцева

К чему снится кровь

«АСТ»

2011

Солнцева Н. А.

К чему снится кровь / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2011 — (Игра с цветами смерти)

ISBN 978-5-17-071826-9

Одержимый страстью разбогатеть кладоискатель готов на все, чтобы добиться своего. Но добытое страшной ценой сокровище – редкой красоты золотое украшение с алым рубином и знаком Осириса – приводит его к смерти. Убит и ювелир Евгений Ковалевский, которому принесли серьгу с загадочным камнем. Валерия убеждена, что ей тоже угрожает опасность. Ее страх усиливается, когда она обнаруживает рубин у себя в квартире. Она отчаянно пытается найти выход. И обращается за помощью. Влад и Сиур, ведущие расследование, понимают, что это запутанное дело странным образом связано с фигуркой улыбающегося Будды. Но каким образом драгоценность с рубином попала к ювелиру? Где вторая серьга? И кто хозяйка этого рокового украшения? В ходе расследования число загадок только увеличивается. Таинственным образом реальные события оказываются переплетены с жизнью и смертью красавицы Сабхидари, возлюбленной раджи, которая века назад получила рубины от него в подарок. Роман издается в новой редакции. Ранее роман выходил под названием «Иллюзии красного». В книгу вошел также отрывок из следующего романа «Опасайся взгляда царицы змей».

ISBN 978-5-17-071826-9

© Солнцева Н. А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Солнцева

К чему снится кровь

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, Ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

То кровь коралла, то огонь рубина,

То искры пурпура в тебе горят.

(Lone de Vega)

В царстве иллюзий иллюзии реальны относительно друг друга.

(из учения Будды)

ГЛАВА 1

Удобно устроившись на диване, молодой человек с увлечением читал книгу. В квартире было прохладно и сыро, за окном стояли хмурые весенние сумерки. Мужчина завернулся в шерстяное одеяло, не надеясь, впрочем, как следует согреться. Вновь появилось чувство беспомощности и отчаяния – как будто навеки пойман в нищете. Взгляд обреченно скользнул по убогой обстановке комнаты: никакой мебели, кроме старого потертого дивана и стопки книг на обшарпанном подо коннике. Обои по углам вздулись, у окна стоял старый сломанный электрообогреватель. Молодой человек отвел взгляд, резко и сердито повернулся на бок и снова углубился в чтение.

На страницах книги разворачивалась непривычная старинная жизнь, когда простые люди жили в грубо сложенных домах с маленькими окошками-щелочками. Тяжелые деревянные двери служили для защиты хозяев от внезапных нападений лихих людей. В селении царили бедность и уныние. Во многих семьях не было мужиков, остались бабы да малые дети. Кто поздоровее и покрепче, нанимался в работники к зажиточным хозяевам. Женщины брали шить ризы и белье близлежащему монастырю. Страх и безнадежность висели в промозглом, закопченном воздухе тесных жилищ.

...Вдоль дороги к святой обители росли чахлые обломанные деревца и кустики; глинистая земля, размокшая под дождем, чавкала под ногами. Навстречу друг другу шли две женщины. Одна из них уже улыбалась, признав свою соседку. Длинная, костлявая, с худым и желтым лицом, одетая в черную бесформенную хламиду, она напоминала монашку. Глубоко посаженные глазки злобно сверкали из-под низко повязанного платка.

– Пожалела бы сиротиночек, – завела разговор костлявая, поравнявшись с соседкой, к которой жались двое малолетних детей. – Праведная ты больно, Анна, как я погляжу! Аль

страх хуже смерти голодной? Ну что тебе сделают те мертвяки? Добра там много, золота. Одной-то мне трудно, не управиться. Вместе копать сподручнее.

– Черт тебя, Ксения, по тем местам водит! – Анна, пониже ростом, плотная, чисто одетая, перекрестилась. – Добром такое дело не кончится. Страху-то небось натерпелась, вот и зовешь. Авось ничего, не помрем с голоду! Грех это, мертвяков обирать. Не зови, не пойду с тобой.

Женщина прижала руками детей, испуганно спрятавшихся в широкой маминой юбке. Она вспомнила, как утром лазала в подпол, чтобы взять немного денег из тайника, да мало их осталось. Чем она завтра накормит своих ребятишек? Правильно ли, чтобы дети голодали, а добро пропадало под землей?..

Обитатель холодной комнаты оторвал взгляд от книги, поежился и вздохнул. Он размышлял о сокровищах, которые лежат, захороненные вместе с прахом умерших. Еще маленьким мальчиком он погружался в нехитрые мечты, воображая себя отчаянным пиратом, перебирающим богатую добычу после морского сражения. Драгоценные вазы, золотое оружие, блестящие самоцветы, жемчужные ожерелья, ковры и мягкие шкуры диких животных... Страсть к приключениям с малолетства не давала ему покоя.

Валентин вырос, но детские мечты, видоизменившись, продолжали будоражить его воображение. Он стал студентом исторического факультета не случайно: все та же страсть к тайнам и поискам кладов заставляла его просиживать сутками в библиотеках и архивах. Валентин продолжал мечтать о путешествиях в дикие таинственные уголки земли, о пирамидах майя, о сенсационных раскопках и древних сокровищах. Он жил в этом волшебном, исполненном опасностей и неожиданных находок мире, и совершенно не замечал перемен, происходящих вокруг него в реальной жизни.

Увы, Валентин от природы был ленив и не мог найти себе достойного применения. Ему становилось все труднее сводить концы с концами. Мама, жившая на гроши в подмосковном Чехове, не могла ему помогать. Вечное безденежье и неустроенность ожесточили его. Глядя на довольных жизнью сокурсников, на припаркованные там и сям дорогие иномарки, на сияющее изобилие витрин, он исходил желчью и строил планы... ограбления. Он представлял себя пиратом, который берет на бордаж набитое сокровищами судно и в одночасье становится сказочно богатым. Постепенно образ отважного и дерзкого флибустьера трансформировался в заурядного грабителя. Пожалуй, Валентин созрел для того, чтобы залезть в чужой карман или взломать чужую квартиру. Останавливал его лишь страх позорного разоблачения или возможный отпор со стороны потенциальных жертв. Вот если бы добраться до клада, хозяин которого уже давно мертв, тогда...

Однако пустые фантазии не накормят. Валентин начал во многом себе отказывать. Прозрение наступило внезапно, когда просто кончилась еда. Совсем.

Вторая неделя прошла уже с тех пор, как он бросил университет и колесил по городу в поисках заработка. Достойную работу найти оказалось непросто, а то, что предлагали, ему не подходило. Мобильник давно молчал: на счету – ни копейки, и пополнить нечем. Сегодня с самого утра у него крошки во рту не было. На подоконнике, в его любимой книге «Граф Монте-Кристо», между пожелтевшими страницами лежала небольшая сумма денег. Их могло хватить на оплату квартиры за две недели или на продукты.

«Что же делать? – в который раз спрашивал он себя. – Скоро дойдет до того, что станет негде жить. Деньги закончатся, и меня выгонят на улицу!»

Валентин представил себя грязным и оборванным попрошайкой в подземном переходе... ощутил тяжесть в груди: не хватало воздуха.

Он вскочил с дивана. Ему захотелось немедленно бежать, спрятаться. Как будто можно убежать от себя самого.

– Дурак! Давно надо было что-то делать, зарабатывать деньги. Дотянул, а теперь – хоть вешайся! – с отчаянием выкрикнул он, натягивая на себя толстый свитер, брюки и куртку.

Громко хлопнув дверью, молодой человек выскочил на улицу. Ранняя весна сыпала снежную крошку с низкого, налитанного ледяной влагой неба. Соль и песок, которыми посыпали тротуары, образовали жидкую грязь; с дороги, из-под колес транспорта, летели мутные брызги. Он шел, не разбирая дороги. Холодный ветер пронизывал до костей.

Валентин шагал в потоке озябших, укутанных в шарфы людей. От горьких мыслей судорожно сжималось горло. Деньги решают все! Как часто он слышал эту фразу и не соглашался с ней, не понимал... Сейчас жизнь сама привела его к такому выводу. Но где достать денег? Ему стало смешно: в воображении возникла картинка – высокое дерево, с веток которого свисают новенькие хрустящие купюры, и он, подпрыгивающий в усилии дотянуться до возжеланных бумажек...

Деньги можно достать только там, где другие не догадались или побоялись. Главное – начать, а потом все пойдет как по маслу. Для того, что он замыслил, много не нужно. Инвентарь не сложный – лопата, большая вместительная сумка, ломик, кирка, старая одежда, фонарь. Может быть, еще что-то понадобится, но пока не примешься за дело – не узнаешь. Если задаться целью, деньги сами поплывут в руки.

Валентин даже знал, с чего начнет. Безвыходность ситуации подхлестывала лучше любого кнута. Сама собой пришла в голову мысль о бывшем однокурснике из Коломны. Как же его звали? Вадик, кажется? Ну, да не это важно.

От голода кружилась голова, подташнивало... не удивительно, что память отказывала и мысли путались...

В один из скучных вечеров, когда они от нечего делать выпивали в прокуренной комнатке студенческого общежития, этот Вадик с нарочито таинственным видом рассказал «жуткую историю» про дом с привидениями. Дом стоял за высоким каменным забором, серый и мрачный, не похожий ни на один из домов в их городке. Поблизости от дома находился фамильный склеп, который и послужил источником зловещих слухов о вампирах и иных обитателях потустороннего мира. Вечером покатаая, стилизованная под римский саркофаг крыша склепа тускло и зеленовато мерцала, отражая лунный свет. Одинокое прохожие старались перейти на другую сторону улицы и ускорить шаг.

В этой чудом сохранившейся фамильной усыпальнице старого дворянского рода, по словам старожилов, хранились тела умерших и ценные реликвии. Молва твердила, что побывавший в склепе человек долгое время ходил как одуревший, видел странные сны, предвещавшие опасности и болезни. Побывать в склепе было делом не простым: обитатели дома никого не пускали на свою территорию. Эти странные люди, пренебрегавшие местными обычаями, были потомками рода Полторацких, в котором по женской линии передавались какие-то необыкновенные способности.

Валентина не интересовали ни дворяне, ни привидения, – он вообще все это считал чепухой. Но посещение Коломны могло бы стать неплохим началом промысла. Все задуманное казалось заманчивым и легко осуществимым до тех пор, пока он не вспомнил про деньги. Где взять деньги на дорогу, на еду, проживание и на прочие расходы, неизбежные в любом деле? Зablестевший было в его глазах огонек снова потух...

Вынырнув из своих напряженных раздумий, Валентин снова оказался во враждебной ему повседневной реальности, грозившей голодом, холодом и неустроенностью. Он заметил, что прошагал целый квартал, ничего не видя вокруг, и остановился прямо у чебуречной. Снег на тротуаре перед входом почти растаял, из открытой двери доносился запах пельменей и горелого масла. Через высокие окна виднелись круглые столики; за ними сидели люди, пили пиво, неторопливо закусывали. Пустой желудок Валентина отзывался ноющей болью. Он не заметил, как оказался внутри теплого, наполненного сигаретным дымом помещения.

На металлическом листе с дырочками, погруженном в кипящее масло, аппетитно шипели чебуреки. Полная русоволосая девушка в фирменном халатике ловко раскладывала их на тарелки и отпускала посетителям. Рядом в котле варились пельмени, распространяя аромат перца и лаврового листа. Гудела вытяжка. Холодное пиво с шипением наполняло большие стеклянные кружки, истекая пеной. Валентин на ходу сдувал высокую пышную пену, стараясь не уронить тарелку, полную сочных поджаристых чебуреков. Он пробирался к свободному столику у окна, когда услышал знакомый голос.

– Привет, Валён!

Прямо перед ним стоял счастливый, улыбающийся Ник – друг детства Колька, Колян. Повзрослев, они стали видеться редко и величали уже друг друга по-иному – Колька превратился в Ника, на заграничный манер, а Валек в Валёна.

– Ник, рад тебя видеть, дружище! Ты здесь какими судьбами? Садись!

Они сели за столик. Через окно сквозь снеговую завесу была видна мокрая и грязная мостовая, по которой спешили прохожие, зябко кутаясь в по-весеннему легкую одежду. С утра небо было ясное, и никто не ожидал непогоды. Московская весна обманчива, как настроение перепревшей девицы...

Ник поставил на темно-зеленую скатерть бутылку хорошей дорогой водки.

– погоди, не ешь без меня! – он быстро вернулся с подносом, уставленным тарелками с двумя порциями пельменей, горкой чебуреков и свежими огурцами. – Вообще-то я в такие забегаю не хожу, готовлю дома. Люблю вкусно поесть. А тут... ноги сами принесли. Дай, думаю, загляну. Ну, давай за встречу!

Они с удовольствием выпили. Валентин почувствовал, как тугой комок безысходности в груди оттаивает. Наступило приятное расслабление...

Друзья представляли собой живописную пару. Валён – плотный, невысокий блондин с правильными чертами лица. Его серо-голубые глаза на круглом лице словно говорили: ну что я могу вам сделать? Это была обманчивая маска, за которой он прятал свои истинные мысли и намерения, далеко не безобидные. Ник – ростом повыше, худощавый, стройный брюнет, модно одетый, был по-своему хорош и даже изыщен. Он принял театральную позу с бокалом в руке и смотрел на друга слегка замутненным взглядом. Ник быстро пьянел.

– Где ты сейчас? – спросил Вален. – Учишься? Работаешь? Прикид у тебя что надо.

Ник поморщился и, наливая водку, откровенно признался:

– Если бы не старый, был бы в заднице. А так он мне бабки подкидывает. Живу в отдельной квартире, подрабатываю у папика охранником, чтоб хоть на сигареты да на телок у него не кланчить. Надоело все...

– А хотел бы иметь свои деньги?

Взгляд Ника даже прояснился от такого предложения.

– Ну, спрашиваешь! Хотеть хотел бы, да где их взять? Пахать, как дебил, с утра до вечера я не собираюсь! Если ты про это...

Теперь Вален разливал водку. Он понял, что ему нужен напарник. Ник – подходящая кандидатура.

– Знаешь, мы можем быстро раздобыть бабло! Это будут наши собственные деньги. Сможем жить, как захотим. И вкалывать особо не придется. Понятно?! – глаза Валена сверкали воодушевлением.

Ник почувствовал себя сбитым с толку. Он и вообще-то соображал медленно, а в подпитии тем более тормозил.

– Это здорово. Подробнее нельзя?

– Можно, но не здесь. – Вален понизил голос и заговорщически подмигнул Нику. Он тоже опьянел.

– Ты крутым сделался, да?

– Я не хочу быть крутым, но денег хочу много. Без бабла что за жизнь? Согласен? Зависимость не многим лучше нищеты.

– Ты что, нищим стал, Вален? – Ник долгим пьяным взглядом посмотрел на товарища. Он прекрасно помнил его привычку всегда все скрывать, но внезапно выдавать себя неосторожным словом. – А где ты живешь?

– Нигде. Деньги кончились. – Вален допил водку и со стуком поставил пустой бокал на стол. В глазах промелькнула глухая тоска.

– Пошли ко мне, – предложил Ник, которому стало отчего-то жалко давнего друга по детским играм, в которых Валек всегда был предводителем и неоспоримым авторитетом. – Я живу один, холодильник битком набит. Да, про бабки, которые мы могли бы сорвать, ты серьезно говорил?

– Серьезно. Не сомневайся.

За окнами чебуречной стало совсем темно. Нетвердой походкой друзья направились к метро. Вален чувствовал себя спасенным. Эту отсрочку судьбы он твердо решил использовать с максимальной выгодой: разжиться деньгами во что бы то ни стало, стать обеспеченным человеком и забыть об унижительной бедности навсегда, до самой смерти.

Ник по-своему был рад встрече. Присутствие Валентина обещало сделать его скучную жизнь интересной, а если еще они смогут разбогатеть, чтобы ни перед кем не отчитываться... У него захватило дух от раскрывающейся перед ними блестящей перспективы: представилась палуба белого круизного теплохода, музыка, девочки, запах моря... Картины развлечений в уме сменяли одна другую. Откуда-то возник образ молодой, шикарной черноволосой женщины, сидящей в старинном бархатном кресле. Женщина была одета в белое платье с длинной пышной юбкой и глубоким декольте. Она укоризненно смотрела на Ника и погрозила ему пальцем. Чудеса!..

ГЛАВА 2

Ник не обманул, его папаша и правда позаботился, чтобы сын жил в комфорте.

Маленькая кухонька была оборудована всем необходимым. Через несколько минут друзья уже пили чай с медом и печеньем. Чувство опьянения быстро прошло. Нику хотелось узнать, как Вален думает достать деньги, но расспрашивать почему-то не решался.

– Так что ты там у старого делаешь, офис охраняешь? – гость решил заполнить неловкую паузу. – Он у тебя бизнесом занимается? Магазин, небось, держит?

– Нет. У него ломбард. Одного охранника он нанял, я с ним по очереди дежурю. Совсем на халяву я жить не люблю. Завтра будешь сам тут хозяйничать – меня не будет. Но если предложишь что-то стоящее, время найдется. Лишних денег не бывает.

– Об этом не сразу, ладно? Я обдумать кое-что хочу.

Вален отставил чашку, с удовольствием рассматривая приличную обстановку вокруг себя. «Хорошо, что папаша Ника – не промах, – отметил он. – Это сейчас очень кстати, пока я на мели. Но так будет продолжаться недолго. Я добыю большего. Даже если деньги придется вырвать у самого дьявола!»

– Ты будешь спать в комнате, – сказал Ник, заметив некоторое напряжение в лице друга. Он подумал, что Вален устал, да и выпил лишнего.

– Хорошо, – спокойно ответил тот.

Он решил не показывать Нику, как важна сейчас его помощь. Все должен решать холодный безошибочный расчет. Сердечность будет потом – когда, наконец, он обретет твердую почву под ногами и неисчислимые бедствия перестанут поджидать его за каждым поворотом.

Они легли спать. Ник расположился на диване в холле, гостеприимно уступив другу комнату. Плотные бордовые шторы на окнах придавали обстановке особый, располагающий к отдыху уют. Вален закрыл глаза и тут же ощутил привычный страх – оказаться неудачником без гроша в кармане! Мысли беспокойно забегали, опережая одна другую: главное – не сидеть сложа руки. Любые действия, даже глупые и ошибочные, все равно лучше, чем их отсутствие. Если не знаешь наверняка, что делать, – надо делать хотя бы то, что приходит в голову, что можешь. Незаметно для себя он уснул...

Утром оба приятеля не сказали друг другу и двух слов. Беседа не клеилась: что-то мешало им быть откровенными. Ник вскоре ушел, предоставив Валену полную свободу.

Гость повалился немного на диване у телевизора, настроение его заметно улучшилось. На глаза попала Библия в толстом красивом переплете с золотым тиснением. В детстве его мать часто гадала на Библии, научив этому и мальчика. Задумаешь вопрос, и открывай книгу в любом месте; при этом читать нужно те строчки, которые первые попадутся на глаза. Это и будет ответом.

Вопрос придумывать не пришлось, он и так не шел у Валена из головы ни на минуту. Он наугад раскрыл Библию и прочитал:

«Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложа руки, полежишь:

И придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник».

Какое-то время он продолжал сидеть, словно в оцепенении, потом вдруг вскочил как ужаленный и стал метаться по комнате. Что делать?! Что предпринять? Куда идти?

Постепенно возбуждение улеглось, Вален решил для начала не суетиться, а поесть, и отправился на кухню.

Кухня поражала обилием продуктов и располагала к созданию кулинарных чудес. Заметно было, что ее хозяин гурман. Множество деревянных подвесных полочек были устав-

лены пакетиками, баночками со всевозможными специями, упаковками чая и кофе, консервными банками с яркими этикетками, коробками с печеньем и шоколадными конфетами. По бокам полочек на декоративных гвоздиках висели связки сушеных грибов, чеснока, красного жгучего перца, пучки трав. У Валена разыгрался аппетит.

Он открыл холодильник и поразился – майонез и кетчуп, колбаса, сыр, апельсины. Отделение для овощей заполнено до отказа. Не раздумывая долго, он решил попробовать свое поварское искусство. Когда всего полно, приготовление пищи может быть приятной и увлекательной забавой. Как он и ожидал, морозилка оказалась забита мясной вырезкой.

Пока выбранный им кусочек мяса оттаивал под горячей водой, Вален принялся читать газету, забытую Ником на кухонном столе. Листая страницы, он наткнулся на небольшую статью с заголовком: «Жертвой слухов стала одинокая старушка...» – за которую и принялся, коротая время. Убийство старушки взбудоражило жителей деревни Егорьево Московской области. Они твердили, что бабка была непростая – колдунья, владела тайнами трав, умела то ли привораживать, то ли порчу наводить, то ли еще что. Иногда поздними вечерами к ее дому приезжали на своих машинах хорошо одетые женщины, молча входили, спустя некоторое время так же молча выходили, не поднимая глаз, садились в машины и уезжали. Что за услуги оказывала им покойная, неизвестно. За эти таинственные услуги, якобы, старуха брала плату только золотом – обручальными кольцами, перстнями, серьгами и цепочками. При расследовании слухи не подтвердились. Неужели старуху задушили из-за одних только ничем не подкрепленных сплетен про золото, в поисках которого убийцы перевернули весь дом и чердак?

Единственная бабкина драгоценность – золотой нательный крестик, который многие видели, – была похищена. По этому крестик и нашли злодеев: одуревших от водки и безделья местных подростков. Они пытались обменять его на трехлитровую банку самогона, на чем и были пойманы, как говорится, с поличным.

Вален просмотрел газету до конца, ничего интересного больше не нашел и отложил ее в сторону. Не может быть, чтобы слухи совсем не имели оснований! Раз люди говорят – что-то да есть. А значит, золото, которое бабка зачем-то копила и прятала, просто не нашли. Скорее всего, оно осталось там, в доме. Он задумался. Волнение нарастало, вызывая легкую нервную дрожь в теле. Надо было отвлечься, успокоиться.

Мясо наконец оттаяло. Вален аккуратно нарезал его тонкими ломтиками, посыпал молотым перцем, солью, толченым чесноком, сложил в глубокую сковороду и поставил в разогретую духовку запекаться. Он чувствовал себя творцом. Чистя картошку, он размышлял о необыкновенном салате с пикантным вкусом. Мелко нарезав синюю капусту, побрызгал ее лимонным соком, сложил в салатник, добавил маринованные шампиньоны, копченую курицу, огурчик, немного лука и полил оливковым маслом. Он священнодействовал, наслаждаясь непривычным изобилием.

Картошка кипела на медленном огне. Мясо благоухало на всю кухню. Вален достал его, густо посыпал тертым сыром, залил майонезом и поставил допекаться.

– Да, Ник неплохо устроился в жизни! Ничего, скоро я буду жить лучше, – произнес он вслух, стараясь верить в это.

Внезапно пришло решение: дом на краю деревни, в котором убили старуху, он проверит.

* * *

Выставка-распродажа индийских товаров располагалась в просторном холле кинотеатра «Орион».

С самого утра здесь было много людей, в основном женщин. У входа торговали специями в ярких упаковках, душистыми палочками и сувенирами. Повсюду были развешаны поражающие пестротой и богатством красок ткани, вышитые покрывала, знаменитые кашмирские

шали, сари¹ всевозможных фасонов и расцветок, сумочки и пояса из кожи с росписью и тиснением. Звучала прихотливая индийская музыка, создавая из простых, как сама жизнь, мотивов прекрасные и чарующие узоры. Когда Кришна² играл на своей флейте, он бросал своими мелодиями вызов богу любви...

Валерия заслушалась. В гулком пространстве холла ей почудился тихий серебристый звон колокольчиков.

– Колокольчики, которые звенят на ногах Кришны! – улыбаясь, воскликнул продавец, выйдя из-за прилавка.

Валерия вздрогнула, словно она подумала о чем-то запретном, а чужой человек прочитал ее мысли. Продавец выглядел необычно: он плавно скользил по мраморному полу в длинном, почти до пят, светлом одеянии. Его большая, гладко обритая голова слегка блестела, насмешливые глаза излучали энергию. Он приподнялся на цыпочки и снял с верхней полки целую гирлянду колокольчиков.

– Выбирайте! – предложил он Валерии. – Колокольчики Кришны приносят удачу в любви...

Господи, он только предлагает ей товар! Валерия вздохнула с облегчением. А она уж было подумала... Что за странное настроение навеяли ей эти индийские штучки!

На стеклянной витрине шеренгами стояли изящные статуэтки из бронзы и слоновой кости, храмовые лампы из глазурованной глины, кувшины и вазы. Фигурки Будды со скрещенными в позе лотоса ногами лениво и равнодушно созерцали шумную толпу посетителей... Четырехрукий Шива³, «Владыка Танца», привлек ее внимание.

Валерия почувствовала легкое головокружение, у нее разбежались глаза. Образы божеств поражали своей фееричностью, обилием рук, ног, голов, украшений и причудливых поз. Она, словно во сне, протянула руку и взяла одну из статуэток...

– Кубера? У вас редкостный дар делать правильный выбор, – обрадовался продавец. Наконец-то посетительница что-то купит! Женщина ему понравилась, она сама напоминала дикий экзотический цветок. – Вам дано владеть драгоценными камнями, металлами и другими предметами роскоши этого мира. А знаете, сначала Куберу считали властелином сил тьмы и лишь потом – богом богатства, повелителем всего золота, серебра и сокровищ.

– Забавно, – улыбнулась женщина. – Вот, оказывается, кто виновен в том, что многие драгоценности имеют дурную славу, навлекают смертельную опасность!

– Они опасны только для тех, кто не достоин владеть ими. Кубера не принесет вам зла. – Продавец смутился, эта пышная фраза показалась ему излишней, чтобы продать недорогую вещь.

– Я еще пройдуся, посмотрю, – редко встретишь такое изобилие необычных вещей! – Валерия поставила статуэтку на прилавок. – Куберу я куплю. Отложите, пожалуйста.

Она не спеша прохаживалась вдоль прилавков и стеклянных витрин. Завораживающий ритм музыки, запахи специй, благовоний, развешанных повсюду цветочных гирлянд, горящих свечей вызвали незнакомые, странные ощущения.

*И лепестки жасмина, вестника весны, несет ветер,
Пусть он возьмет с собою мои мысли о тебе...*

¹ Сари – женская одежда в Индии.

² Кришна – земное воплощение Вишну, вседержителя и хранителя мира, одного из главных божеств индуизма.

³ Шива – один из трех верховных богов, наряду с Брахмой и Вишну, в брахманизме и индуизме. Часто изображается в священной пляске, воплощающей космическую энергию.

Откуда пришли эти строчки? Она не знала. Ей показалось, – она стоит на берегу озера, зеркальную поверхность которого покрывают цветущие лотосы... Беспечно плавают розовые фламинго, их тысячи. Всадник в белоснежной чалме стреляет... испуганная стая, беспорядочно взмахивая огромными крыльями, отрывается от воды. Солнечный свет горит на розовокрасном оперении птиц, словно над озером поднимается невиданное огненное пламя. Оно взлетает в воздух, подобно фейерверку из живых роз, и уходит в бездонные просторы голубого неба...

Валерия уже ни на что больше не обращала внимания. Она, как во сне, вернулась к прилавку, где оставила божка Куберу. Продавец пристально взглянул на нее. Женщина была ярко, экстравагантно красива – нежно изогнутая миндалевидная форма глаз, длинные шелковистые ресницы, кожа мягкого персикового оттенка, нетипичного для Москвы, высокий лоб, выгнутые черные брови, пухлые красные губы изысканной формы, круглый подбородок. Фигура полная, с высокой грудью и не слишком тонкой талией, что, впрочем, совершенно ее не портило, а, напротив, казалось необыкновенно естественным и гармоничным.

Продавец опустил глаза, заворачивая ее покупку.

– Прошу! – он протянул ей сверток, рука еле заметно дрогнула. – Может, еще что-нибудь предложить вам?

– Даже не знаю... Я как-то странно себя чувствую. – Валерия тряхнула головой, отгоняя наваждение, навешанное пестротой красок, запахами, музыкой. – Вообще-то я хотела приобрести украшения...

Человек за прилавком задумался. Потом наклонился и достал большую коробку, обтянутую парчовой тканью.

– Посмотрите вот это, – он раскрыл коробку, в которой на алом бархате лежали массивные женские браслеты ручной работы с натуральными камнями. – Вы давно мечтаете о таких браслетах!

Он улыбнулся, не понимая сам себя. Украшение предназначалось в подарок его девушке, эксклюзив, – ничего подобного больше в продаже не было. И вот он отдает их в руки женщины, случайно зашедшей на выставку.

Сегодня происходит что-то необъяснимое. Не жалея, что сделал явную глупость, продавец протянул коробку Валерии. Она заметно волновалась, разглядывая богато украшенные камнями браслеты, затем легко надела их, не расстегивая, через узкие кисти рук. На ней они выглядели еще прекраснее...

Индийский бог изобилия Кубера и браслеты лежали в сумочке, когда Валерия покидала выставку. Она легко сбежала по лестнице, ощущая себя уставшей и довольной. В воздухе пахло весной. Внезапный порыв ветра с мокрым снегом обдал ее холодом. В лицо посыпались мелкие ледяные капли. Стараясь не обращать внимания на непогоду, она подошла к стоявшей напротив кинотеатра машине. Хорошо, что Евгений подождал ее!

Негромко щелкнув, правая дверца приоткрылась. На секунду Валерию охватила досада: не захотел выйти из машины и промокнуть под дождем и снегом, открывая дверцу. Впрочем, чего ожидать от нынешних мужчин?

В салоне было тепло, звучала приятная музыка. Валерия уселась, не успев стереть с лица недовольную гримаску.

– Что случилось?

Евгений был удивлен ее расстроенным видом. Они познакомились недавно, но ее страсть к необычным украшениям он заметил сразу. Отчасти украшения были его профессией, и он понимал в них толк. Индийская выставка превосходная – он не сомневался, что Валерия будет в восторге. Чем же она недовольна? Он посетил эту выставку не из праздного, а вполне профессионального интереса. Это было настоящее зрелище.

– Тебе не понравилось?

– Что ты! Я даже не ожидала увидеть такое... – она подбирала подходящее слово. Короткий и нежный поцелуй помешал ей договорить. Евгений сразу же отпустил ее и спокойно завел машину. Хлопья снега таяли на стеклах.

– Так что ты мне хотела сказать насчет выставки? – спросил он так, словно отвлекся только на то, чтобы выехать на дорогу.

Спутница не ответила. Она достала из сумочки пачку сигарет, зажигалку и закурила. То, что он решился на поцелуй, не взволновало ее. Лучше бы проявил галантность, выйдя из машины. Валерия промолчала. Не хотелось усложнять отношения. Она искоса поглядывала на его сосредоточенное лицо, – наверное, слишком пристально. Он повернулся на ее взгляд.

– Заедем куда-нибудь? Или домой?

– Домой.

– Что-то не так?

– Нет. Просто много работы.

Она не могла объяснить себе, что произошло в индийском павильоне. Но ей не хотелось сейчас разговаривать с Евгением, не хотелось никуда ехать с ним. Она ощущала тоскливое одиночество, как однажды в детстве, когда пошла с соседкой в лес и заблудилась там. Знакомые московские улицы показались ей чужими и неприветливыми, тусклыми из-за непрерывной белой мороси...

Дома Валерия долго любовалась своими покупками. Она с восторгом разглядывала статуэтку Куберы, радуясь, как ребенок. На тумбочке у кровати уже стояла фигурка Будды с цветком лотоса, сделанная из старинного потемневшего металла.

Браслеты не сочетались ни с одним нарядом ее модного и удачно подобранного гардероба, однако Валерия точно знала – они лежать не будут.

Весь остаток дня она провела за переводом с английского длинной статьи. Темнота за окнами напомнила о том, что ночь вступила в свои права, неся с собою успокоение и отдых. Уставшая, она не сразу смогла уснуть...

Над мутными водами реки покачивалось желтое марево, медленно рассеиваясь. Сквозь него проступали заросшие обильной зеленью берега. Спокойная мутная поверхность воды казалась неподвижной...

Мальчик лет семи, темнокожий и курчавый, играл у кромки берега, наклоняясь и набирая в пригоршни теплую воду. Вдруг он заметил плывущую по течению длинную змею. Ни минуты не раздумывая, он схватил тонкий гибкий прут и стал бить ее. Змея металась быстрыми, но плавными зигзагами, избегая ударов длинного прута, безжалостно хлещущего по воде и ее чувствительному телу.

– Зачем ты это делаешь? Остановись! Пусть себе плывет...

Валерии хотелось крикнуть, объяснить этому несмышленьицу, чтобы тот оставил змею в покое... но у нее не было голоса... Она поняла, что ничего не изменит. Почему никто не рассказал ребенку о мудром устройстве природы? Все в ней служит невидимому общему замыслу, устремленному к достижению таинственной цели. Священной цели, несущей благо всему. В этом мире никому не позволено напрасно губить жизнь...

Мальчик, войдя в воду по колено, настойчиво преследовал змею. Та сделала молниеносный бросок к его ногам и ужалила. С отчаянным криком ребенок выскочил из воды и упал на горячую от солнца траву, в страхе и растерянности озираясь по сторонам. Схватившись руками за ногу, он начал кривиться от нестерпимой боли, разливающейся по жилам. Краски жизни быстро уступали место смертельной бледности на его испуганном личике. Посиневшее и опухшее, оно потеряло осмысленное выражение, взгляд подернулся мутной пеленой, но тело еще вздрагивало в конвульсиях, сопротивляясь уходу. Вскоре оно неподвижно замерло...

*Маленький человек заплатил страшную цену за свое невежество. Утратив однажды и навсегда дарованную ему способность **знать**, свою божественную привилегию перед всем, живущим на земле, он проиграл.*

– Почему люди стали так слабы перед силами природы? Их мысли лишены великодушия и силы, действия – смысла, реакции замедлились, чувства притупились, сердца полны агрессии и страха. Здесь что-то не так с людьми!..

Не хочу больше видеть всего этого. Слишком тяжело...

Несмотря на ее нежелание, картина происходящего не пропадала. Она окрасилась в ярко-красный цвет заходящего солнца...

ГЛАВА 3

Валерия открыла глаза, в которые ударил дневной свет, поморщилась и села на постели. За окном ярко светило утреннее солнце.

«Поздно проснулась, – подумала она и тут же вспомнила сон. – Как неприятно! К чему это – мутная вода, змея, умирающий мальчик?» Она вздрогнула от отвращения. Но сейчас уже думала о происшедшем несколько по-иному, нежели во сне. Казалось естественным, что ребенок пытался прогнать змею палкой.

Это все индийская выставка! Валерия пыталась занять мысли предстоящей работой, но они упорно крутились вокруг странного сна.

«Что же еще ему было делать? – продолжала она думать о мальчике. – Это взрослые виноваты: не смотрели за ним, отпустили одного на реку, в которой водятся ядовитые змеи...»

Впечатление от сна постепенно рассеивалось, вытесняемое повседневными заботами. Накинув халат, Валерия отправилась на кухню варить крепкий кофе. Она только взяла чашку, как зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Борис Иванович! Конечно, помню, – она нахмурилась. – Обязательно сделаю, как договаривались.

Валерия не любила, когда ее торопили. Борис Иванович, которому она переводила научные статьи из медицинских журналов, имел тенденцию тянуть до последнего, а потом «пороть горячку». Так было и в этот раз.

– Я хочу попросить вас, если возможно, сделать перевод побыстрее. Понимаете, у меня осталось мало времени, а без этого материала просто невозможно работать. – Он говорил ноющим, вкрадчивым голосом, вызывая к пониманию и сочувствию.

Валерию раздражала такая манера общения, но клиент есть клиент.

– Я уже все перевела, надо только привести в порядок. Когда передать вам диск?

– Мы можем встретиться через два часа, там же, где всегда, – обрадовался заказчик. – Я очень вам благодарен!

Допивая кофе, Валерия прикидывала, успеет ли еще что-то сделать до встречи с Борисом Ивановичем. Она всегда работала быстро и профессионально. В отношениях с людьми была собранна и аккуратна, не допуская расхлябанности и волокиты. Они это чувствовали и вели себя соответственно, благодаря чему не возникало никаких недоразумений. Никто не учил Валерию разбираться в людях, но она обладала каким-то особым чутьем, легко угадывая присущие им черты характера уже через несколько минут общения. Как это получалось, она сама не знала, но ошибалась исключительно редко.

Борис Иванович, известный врач-невропатолог и научный работник, который заказывал ей переводы статей из иностранных журналов, производил впечатление человека, увлеченного своей работой, порядочного, умного и рассудительного. Но что-то в нем постоянно раздражало Валерию – должно быть, глубоко затаенная обида на весь белый свет, на людей, которые не понимали его тонкой и чистой души и, соответственно, не оказывали должного уважения, признания и поддержки.

Валерия достаточно много зарабатывала, чтобы не заботиться о деньгах. Телефонный разговор поднял ей настроение, – деньги за перевод статьи она потратит на покупку нового наряда, подходящего к приобретенным на выставке индийским браслетам.

Закончив работу, она начала собираться. На это всегда уходила уйма времени: прохладный душ, легкий макияж, тщательный подбор одежды, – все это она делала не торопясь, обдуманно и со вкусом. Ей нравилось выглядеть каждый день по-разному, но всегда стильно и современно.

Борис Иванович, как всегда солидный и серьезный, уже ждал в просторном фойе научно-исследовательского центра. Он приветливо улыбнулся Валерии, приглашая сесть в кресло. Весеннее солнце, холодное и яркое, весело светило через огромные стеклянные окна. По углам фойе в больших кадучках цвели пышные китайские розы. От доктора пахло мужской парфюмерией, его волосы были тщательно приглажены.

– Валерия, это просто волшебство, как быстро вы работаете! Я долго не решался позвонить, чтобы попросить вас ускорить перевод... – вымолвил он, тщательно подбирая слова. – Я думал, что вам эта настойчивость будет неприятна, и, поверьте, если бы не крайние обстоятельства, никогда не стал бы торопить...

Борис Иванович опустил глаза, лицо его стало грустным, словно он хотел поделиться с ней своими проблемами и переживаниями, но понял, что это ей вряд ли интересно.

– Вы, наверное, как всегда, заняты, – доктор посмотрел на нее со скрытой укоризной. – Вы молоды и спешите жить, где-нибудь вас ожидает молодой и темпераментный поклонник, и вы думаете о нем – это правильно.

Валерия ответила улыбкой, не отрицая и не подтверждая сказанное.

Борис Иванович подал ей конверт с деньгами, и она, не считая, положила их в сумочку.

– Желаю вам успеха! – Валерии хотелось быть искренней.

Доктор проводил ее до двери. Попрощавшись с ним, она почувствовала облегчение.

Погода была прекрасная. По голубому небу проплывали небольшие облачка, блестели на солнце лужи, в воздухе стоял запах оттаявшей земли, мокрого снега. По-весеннему радостно и громко щебетали птички, перелетая с ветки на ветку. Валерии вдруг захотелось чего-то необычного, острого и волнующего.

Подходя к университету, в котором она преподавала английский, Валерия увидела темно-синюю машину Евгения. За передним стеклом, на виду лежал огромный букет роз. У нее неожиданно сильно сжалось сердце; то ли жалость, то ли умиление подступило к глазам предательской влагой. Как глупо! На секунду ей показалось, что она не властна над своими чувствами... Заметив ее, Евгений вышел из машины с красными розами в руках. Он легонько поцеловал ее и вручил цветы.

– Я заеду за тобой вечером, после шести, – его тон подчеркивал невозможность возражения и одновременно страх получить отказ.

Она молча прижала розы к лицу... стыдясь непрошенных слез.

Поднимаясь по широкой университетской лестнице на второй этаж, Валерия хмурилась. Она была недовольна собой. Старосветская девица на выданье – так она охарактеризовала свое нелепое поведение.

– Какие милые цветы! И как это тебе удастся, Лерочка! Только не говори, что был зачет или экзамен. Меня не проведешь! – щебетала Катенька, догнав ее в длинном пустом коридоре.

Из всех коллег с ней одной у Валерии сложились дружеские отношения. Им нравилось поболтать в свободную минуту.

– Тебе бы только хихикать! Обыкновенные розы...

– Ну да, конечно. Мужчины, рестораны, иностранцы, цветы – твои серые будни! – изображая притворное сочувствие, ответила подруга.

– Солнышко, ты не ошиблась – это действительно будни. Мне не нравится работа переводчика, но за нее хорошо платят.

– Какие мы меркантильные! – закатила глаза Катенька. – А как же мысли о вечном? Все о деньгах да о деньгах печешься, грешная ты душа!

Валерия улыбнулась. Тон легкой издевки, любимый тон Катеньки, ей нравился.

– Катерина, а где это ты о вечном слышала? – неожиданно вырвалось у Валерии. Она сама удивилась резкости своего тона.

Катенька вдруг смутилась, возникло неловкое молчание.

– Потом расскажу, – выдавила она. – Мне еще материалы на замену взять нужно. Ну, не грусти без меня.

Ее тоненькая фигурка быстро скрылась за дверями библиотеки.

– Странный сегодня день, – пробормотала Валерия себе под нос.

Настроение отчего-то испортилось. Тревога пришла в ее жизнь, незаметно прокравшись из сна. А может быть, она появилась еще на индийской выставке?.. Но почему?

Время лекций пролетело быстро. По дороге домой Валерия зашла в небольшой частный магазинчик одежды. Ей не давали покоя браслеты: хотелось поскорее надеть их, и с подходящим нарядом. Выбор вечернего платья сегодня оказался легким делом. Продавцы предложили ей три модели. Комплект абрикосового цвета сразу бросился в глаза. Платье подошло и по размеру. Валерия с удовольствием смотрелась в зеркало под одобрительные возгласы продавцов.

– Вы просто красавица! – с оттенком зависти сказала одна из них, помогая застегивать змейку на спине. – И вам действительно идет такой цвет. Мы сомневались, что его кто-нибудь решится купить – простое по форме, и этот большой шарф или накидка... Необычно. Эта вещь очень индивидуальна. Но на вас просто отлично смотрится!

* * *

Поздняя загородная электричка летела сквозь тьму, минуя многие станции без остановок. Пассажиры, сонные и притихшие, дремали. В тускло освещенном вагоне было душно. Равномерный стук колес убаюкивал.

Вален спал, прислонившись головой к оконному стеклу...

Сквозь вязкую густую мглу проступили очертания незнакомой комнаты.

«Это комната старухи», – догадался он. Достал из рюкзака фонарь и осмотрелся. Вот шкаф... очень старый! Стол... на нем пусто. Стулья...

Все целое, не поломанное. Повсюду – толстый слой пыли. Значит, тут еще никого не было?

А в статье писали, что все перевернуто, мебель переломана. Не могут прожить без вранья!

Вален перевел луч фонаря на кровать и обмер – вместо старухи на ней сидел Ник, сложив руки на коленях и глядя куда-то вдаль... Как будто не видит Валена, старого товарища детских игр.

«Фу, как зомби!» – подумал Вален. Изнутри поднималась волна возмущения. Гнев рвался наружу, хотелось закричать на Ника что есть силы. «Шуметь нельзя», – вовремя вспомнил он и зло прошипел:

– Как ты здесь оказался? Я специально ничего не рассказывал, потому что тебя здесь быть не должно. Убирайся к черту, ты меня напугал!

Ник растворился. Кровать, аккуратно застеленная, с высокой горкой подушек, осталась пустой. Сердце Валена билось сильными неравномерными толчками, в горле пересохло.

Пора было приниматься за дело. Добросовестно обыскивая дом, он обшарил все уголки, заглянул во все ящички, перетряхнул все тряпки... Уставший от бесплодных поисков, Вален опустил руки и застыл в растерянности.

– Надо уходить! Где тут дверь?

Он обернулся и взял в руки фонарик. Луч света упал на зеркало, висящее на некрашеной деревянной стене. Вален посмотрел на свое отражение и увидел, что у него на шее висит длинная связка золотых обручальных колец, нанизанных на белую бельевую веревку...

Он проснулся, посмотрел на часы. За окнами электрички мелькали огни полустанков. Сколько всего успело присниться за какие-нибудь полчаса!

Вспомнилось, как он собирался в дорогу: не хотелось никуда ехать, идти. Ник дал ему рюкзак и все необходимое, молча заворачивал бутерброды, ни о чем не спрашивая. Вален злился. Он ничего не рассказал Нику заранее. Вдруг не удастся найти никакого золота? Другие ведь тоже искали, и все оказалось напрасно. Кислая мина товарища раздражала его.

Машинист объявил следующую станцию, и Вален вернулся от своих невеселых воспоминаний в такую же унылую реальность.

Он был единственным, кто вышел на станции Егорьево. Он смотрел, как постепенно исчезал в темноте хвост электрички. На платформе горел фонарь, освещая высокие старые ели по обе стороны железнодорожного полотна. Холодный ветер пробирал до костей.

Темнота окружила Валена со всех сторон. Непонятный страх заполз в сердце. Очень медленно, наугад пробираясь между деревьев и голых кустов, Вален шел вперед, то и дело проваливаясь в какие-то ямы и лужи. Ветки царапали и цеплялись за одежду, в воздухе пахло сырой древесиной и прошлогодними листьями. Несколько раз он наткнулся на поваленные бревна, от напряжения его бросало в жар. Злой, исцарапанный, в мокрых ботинках, тяжелых от налипшей земли и листьев, он наконец вышел из лесополосы и увидел Егорьево.

Вален немного постоял, осматриваясь и прислушиваясь. В некоторых домах еще горел свет. Вдалеке лаяли собаки. Подойдя ближе к деревне, он сразу увидел бабкин дом, – точно как на снимке в газете. Столько раз он представлял его себе! В заброшенном дворе, за покосившимся забором росла плакучая береза. Ощущение пустоты и заброшенности охватило его при виде одинокого жилища. Вален долго вглядывался в темноту... Ни души вокруг – только шум ветра да скрип поломанной калитки нарушали тишину.

Надев перчатки, Вален подкрался к окну и потрогал рукой ставни: они были закрыты и забиты наглухо. Пришлось отдирать доски. С трудом удалось проникнуть внутрь дома, – оченьгодились найденные Ником в ящике с инструментами большая отвертка и короткий ломик. Резкий застоявшийся запах сырости и нежилого помещения был неприятен. К нему примешивался еще какой-то – то ли ладана, то ли воска...

Время шло быстрее, чем рассчитывал Вален. Фонарь осветил комнату, весь вид которой говорил, что искать тут уже нечего. Из мебели остался один пустой старый шкаф без дверцы, одиноко стоящий в углу. Возле окна валялись несколько мешков. Все...

Вален начал обыскивать дом. Как это делать, он толком не знал, пользовался сведениями, полученными из книг и кинофильмов, – обшарил печку, заглядывал во все укромные уголки, которых, впрочем, было немного. Ничего интересного он так и не нашел.

Осматривая пол, Вален заметил, что в нескольких местах тот здорово прогнил, доски прогибались, жалобно скрипели. Луч фонаря скользил по половицам, – доска за доской, – в одном месте Валену показалось, что пол неожиданно крепкий. Он остановился, потоптался, попрыгал, – никакого скрипа. Странно... Гость достал из рюкзака инструмент и стал отрывать доски по очереди, они оказались не только толще других, но и короче. Под досками открылось небольшое углубление – грязное и сырое. Вален засунул туда руку и хорошенько все ощупал. Ему показалось, что пальцы наткнулись на что-то... он начал лихорадочно разгребать перемешанные с землей опилки, вытащив на поверхность старый деревянный ларец, потемневший и трухлявый, который развалился прямо у него в руках. Ларец, конечно, оказался пустей пустого. Ах, незадача! Вален, только что испытывший дрожь возбуждения, близость желанной добычи, почувствовал, как закипает от бешенства. Проклятая старуха, она глумится над ним! Попадись бабка ему под руку, он бы...

Он сидел на корточках возле дыры в полу и чуть не плакал. Опустошение и тоска наполнили его сердце, только что неистово забившееся в предвкушении вожаемой находки. Однако искать больше было негде. Вален устало поднялся, отряхнул пыль и землю, собрал рюкзак. Пора уходить. Светящийся циферблат часов, позаимствованных у Ника, показывал начало четвертого утра.

«Ну что ж, первый блин всегда комом. Не стоит расстраиваться», – утешал он себя.

Лезть через окно больше не хотелось. Вален напоследок окинул взглядом пустой дом: немало искателей легкой добычи побывали тут до него. Не стоило и ставню ломать. Другие окна с выбитыми стеклами зияли, как глазницы старого черепа. Луна равнодушно смотрела на Валена, как до этого на других таких же неудачников.

Эх, пропадай все пропадом! Он со злостью ударил ногой по входной двери, что было явно лишним. Ветхое дверное полотно едва не слетело с заржавелых петель. Вален от неожиданности по инерции пролетел пару шагов и выскочил на такое же развалившееся крыльцо, – гнилая доска треснула, нога провалилась, и он, не удержав равновесия, грохнулся, выронив фонарь и проклиная все на свете.

Вален с трудом вытащил ногу, для чего пришлось оторвать пару трухлявых, истлевших досок крыльца. Рюкзак на спине очень мешал, пот градом катился по спине, разочарование сменилось крайним раздражением. Наверное, поэтому он не сразу заметил, как в глубине под крыльцом что-то блеснуло в лунном свете. Валену не хотелось вновь оказаться обманутым. Некоторое время он тупо смотрел вниз, в образовавшуюся благодаря его падению дыру. Жадность взяла верх, – он схватил фонарь, осветил и сунул руку в тесное пространство, усыпанное гнилой трухой и обломками ступенек. Не веря своим глазам, Вален извлек из-под земли и мусора твердую гладкую коробку, довольно тяжелую.

Сердце неистово забилось, дыхание перехватило. Медицинский стерилизатор? Валену никак не удавалось открыть его. Не выпуская счастливую находку, он зубами стащил с правой руки перчатку и дрожащими пальцами справился с плотно пригнанной крышкой. Стерилизатор был приличного размера и полон золотых украшений – в основном колец. Золото мягко светилось, притягивая взгляд...

Голова закружилась так сильно, что Валена затошнило. Он крепко зажмурил глаза, но кружение продолжалось, как будто он вращается на огромной карусели и никак не может остановиться. Это нервы. Он слишком долго мечтал об этом! И вот, наконец, судьба вознаградила его...

Спотыкаясь, Вален бросился прочь от одинокого дома. На мгновение ему стало страшно, дурное предчувствие сжало сердце...

ГЛАВА 4

Ник расстроился. Похоже, старый друг не спешит делиться с ним своими планами. Собрался куда-то на ночь глядя, ничего не сказал... Он ощутил легкую грусть.

«Утром Вален должен приехать и все рассказать», – успокаивая себя этой мыслью, Ник наконец заснул.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно громко.

Неужели наступило утро? Нику казалось, что он только что закрыл глаза.

– Это Вален!

Он вскочил и побежал открывать.

– Ты что, в лесу ночевал? – спросил он, когда измученный Вален, весь в грязи и какой-то трухе, ввалился в квартиру.

Несмотря на усталость и бессонную ночь, он улыбался. Хотелось как можно скорее сообщить Нику о необыкновенной удаче. Это счастливое предзнаменование! Теперь богатство потечет им в руки.

– У меня отличная новость для тебя! – не в силах сдержать приятное возбуждение, выпалил Вален.

– Хорошо! – Ник обрадовался. Старый друг не подвел его! – Сначала тебе нужна горячая ванна и хороший завтрак.

Стало понятно, что недомолвки и недоверие закончились. Вален разделся и с наслаждением погрузился в горячую воду.

– Хочешь водки? – раздалось из-за дверей.

Все-таки Ник отличный парень, он в нем не ошибся. Лучшего товарища не сыскать! Вот, заботится... Вален отвык от внимания окружающих: с момента смерти отца он полагался только на свои силы. Отец разбился на машине, налетев в темноте на стоящий без габаритных огней грузовик. После его гибели Вален с матерью остались без жилья и вынуждены были переехать в подмосковный Чехов к дяде, маминому брату.

– Хочу! – крикнул он Нику.

Водка оказалась бы сейчас как нельзя кстати. Вален промерз, намочил ноги, да и горькие мысли, откуда ни возьмись, испортили вкус успеха. Выпить не помешает.

Он завернулся в длинный махровый халат Ника и почувствовал, что очень хочет есть.

На кухне стоял запах крепкого кофе, яичницы, домашней колбасы и гренок. Рядом с бутылкой водки стояла тарелка с нарезанным толстыми кусками сыром.

– Судя по всему, тебя есть с чем поздравить? – Ник поднял рюмку. – За это и выпьем!

Они быстро поели. Вален чувствовал, что засыпает.

– Давай переберемся в комнату. У тебя глаза слипаются...

Вален поставил пустую чашку на стол и, ни слова не говоря, вышел.

«Вот гад, опять взялся за свою таинственность!» – подумал Ник с досадой. Настроение упало. Он сел на кухонный диванчик и решил просто наблюдать, что будет дальше.

Вален быстро вернулся с металлической коробкой в руках и высыпал прямо на колени товарищу груды золотых колец.

– Бог мой! – глаза Ника едва не выскочили из орбит. Он ошеломлен.

– Ну, как тебе добыча?

– Т-только не говори, что ты награбил это за сегодняшнюю ночь, а трупы до утра закапывал в лесу...

– Никого я не грабил! – Вален не мог оторвать взгляд от груды золота. – Я давно задумывался над тем, что мир полон богатств, которые уже не принадлежат никому. Они много

лет лежат всеми забытые: либо безнадежно утерянные их владельцами, либо похороненные в земле вместе с умершими.

– Н – не хочешь ли ты сказать... – Ник от неожиданности и страха начал заикаться.

– Да не трясись ты так! – Вален сел, положил ногу на ногу и победоносно посмотрел на Ника. – Это клад! Золото, которое ты видишь, никому не принадлежит, его нет ни для кого, кроме нас с тобой!

Ник взял в руки пустую коробку из нержавеющей стали. Вещь отнюдь не старинная: такая штучка предназначена для кипячения медицинских инструментов.

– Да, это не пиратский сундук, а стерилизатор! – Вален угадал ход мыслей друга. – Я не знаю, кто и почему спрятал в нем золотые кольца. Я нашел их чисто случайно, под прогнившим крыльцом заброшенного дома. И поверь, никто ничего о них не знает.

– Почему ты так думаешь?

– А ты как думаешь? Если бы люди знали об этом, они бы забрали золото раньше меня!

– Но как ты узнал, где искать?

– У меня всегда было чутье! Я решил проверить свою интуицию, поэтому и не говорил тебе ничего заранее. А теперь ты сам видишь – результат есть. Давай объединимся. Ты подумай, бояться тут нечего.

Ник плохо соображал. Он молчал, не зная, что сказать.

Вален принес два полиэтиленовых пакета и сложил туда кольца.

– Куда бы их спрятать?

Он поймал себя на мысли, что Ник может украсть золото, но тут же отогнал ее прочь. Не хватало только дойти до маразма!

– Положи их в какое-нибудь укромное место, я хочу отдохнуть. Всю ночь не спал. Промерз, перенервничал...

Вален моментально уснул, едва добравшись до подушки. Ему ничего не снилось. Как только веки смежились, пустота и темнота охватили его и унесли в невесомую даль... где ничего нет, и его самого тоже нет.

Зато у Ника голова шла кругом. Он испугался, сам не зная чего. Конечно, искать клад – захватывающее дело. Но вот могилы и мертвецы вызывали у него ужас и отвращение. А может, попробовать? Предложи ему такое кто-то другой, он бы отказался без раздумий. Вален – другое дело, его он знает с детских лет...

* * *

Вечерело. Закатное солнце горело нестерпимо-оранжевым в стеклах окон.

Валерии отчего-то было грустно. Последний год безмерно утомил ее однообразием и бессмысленностью усилий. Она была готова на любую глупость, лишь бы сбежать от скуки, предсказуемости каждого дня и скупых, надоевших «радостей». Ее томили неясные предчувствия, но она не могла постичь их сути. Как случилось, что с таким трудом организованная жизнь перестала ее удовлетворять? Почему это произошло? Валерия не знала.

Она посмотрела в зеркало. На миг показалось, что на нее смотрит незнакомая, красивая и холодная женщина. Приобретенный накануне абрикосовый комплект поразительно шел ей. Длинное платье без рукавов легко обтекало фигуру, изящно и вместе с тем несколько вызывающе обрисовывая формы тела. Массивные браслеты блестели на обнаженных руках, сверкая крупными камнями. Но ярче камней сияли ее огромные карие глаза...

Валерия разделила свои густые черные волосы на прямой пробор и услышала короткий условный сигнал машины за окном. Это Евгений. Она быстро накинула плащ, захлопнула дверь и спустилась во двор.

На этот раз Евгений вышел из машины и открыл дверцу. Он улыбался, из салона доносились негромкая музыка.

– Что-нибудь случилось? У тебя взволнованный вид. Если бы я был моложе... м-мм... и хорош собой, то мог бы подумать, что это я произвожу на тебя такое сильное впечатление. К сожалению, жизненный опыт не позволяет мне приятно заблуждаться.

Валерия вдруг ощутила необыкновенную легкость. Все тревоги и волнения куда-то улетучились, сменившись душевным подъемом. Она села в машину.

– Если ты не против, – он посмотрел на ее чистый профиль, гладко зачесанные блестящие волосы, – мы можем провести вечер у меня дома. Я хотел бы узнать тебя лучше. Тогда не придется гадать, мм-м... что доставляет тебе удовольствие, и покупать все, что может понравиться избалованной женщине. Нас ждет отличный коньяк, конфеты, икра... Ты любишь икру?

Валерия кивнула.

– Я люблю все вкусное и дорогое.

– Поверь, если бы я знал тебя лучше...

– Если бы я сама знала себя лучше! – фраза вырвалась совершенно неожиданно для Валерии. А ведь, пожалуй, так и есть – она не знает, что ей нужно.

– Вот такими словами и сводят с ума мужчин мудрые женщины!

Валерия немного смутилась. Она не собиралась откровенничать, но неосторожные слова сами слетели с губ.

Они ехали по Кутузовскому проспекту, расцвеченному вечерней иллюминацией. Машина свернула во двор дома с облицованным гранитом первым этажом, высокими окнами и маленькими, игрушечными балкончиками.

В подъезде возле бронированной двери в квартиру Евгений остановился.

– Понимаешь, у меня большая собака. Я найду первым и закрою пса. Всего пару минут, – он словно извинялся. – Входи, пожалуйста! – произнес он ровно через минуту, широко улыбаясь.

Валерия оказалась в просторной прихожей с высоким потолком.

Евгений помог ей снять плащ и замер от удивления. Он был избалован вниманием женщин и, казалось, повидал уже все... Но в это мгновение гостя поразила его совсем другой, незнакомой ему красотой, – будто неведомая сила перенесла ее из древнего и роскошного фантастического мира в центр Москвы. В ее одежде, лице, глазах, фигуре было что-то индийское, восточное, – кривые сабли, персидские ковры, танец живота... черт знает что промелькнуло, подобно яркому сказочному калейдоскопу, в рациональном и приземленном уме господина Ковалевского, весьма обеспеченного человека, ювелира, импозантного неженатого мужчины. Он просто утратил дар речи и, чтобы не показаться уж совсем глупым, жестом пригласил Валерию в гостиную.

Она устроилась в мягком кожаном кресле, с интересом рассматривая обстановку. Абсолютно ничего лишнего. Совсем немного мебели современного дизайна, компьютер, новейшая аппаратура, – все это красноречиво говорило о натуре хозяина. Ей показалось, что она заблудилась в чужом, чересчур практичном мире, – почти неодушевленном. Только стеклянная горка с расставленными в идеальном порядке антикварными вещами придавала помещению дух своеобразной интеллектуальной эстетики.

Валерия чувствовала себя как во сне: можно безнаказанно наслаждаться гаммой самых разнообразных эмоций, если знаешь, что спишь, и никакая опасность не сможет жестоко обернуться против тебя.

Пока она витала в облаках, в комнате появился двухъярусный столик на колесиках, плотно уставленный угощениями. Салат из креветок, копчености, икра, виноград, – все превосходное.

– Валерия, я думал, мы с тобой похожи. Я видел в тебе только практичную, умную, современную женщину и только сегодня м-мм... понял, что ошибался. Знаешь, твоя красота – не главное! Я ювелир, своего рода художник по камню и металлу, – и отблеск драгоценности иногда может сказать специалисту больше, чем химический анализ или иные характеристики. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Он помолчал. Молчала и Валерия, откинув голову и покачивая носком туфли... подобно надменной индийской принцессе.

– Видишь ли, я достаточно одинокий человек. У меня было много женщин... и я делал глупости ради них... маленькие и необременительные глупости. Я привык м-мм... спокойно держать в руках настоящие сокровища, имеющие баснословную цену. Ни разу мысль завладеть чем-либо обманом не тревожила мой ум. Возможно, в будущем ты встретишь кого-нибудь лучшего, чем я, и уйдешь. Это не будет трагедией. Трезвый расчет – только один из моих недостатков. Остальные ты увидишь сама. Я даже мм-м... готов поверить, что ты не знаешь ни себя, ни своих желаний. Может быть, благодаря этому мы сейчас вместе...

Гостья, казалось, не хотела разбираться в сложных речах и еще менее в сложных чувствах. Она просто сидела в кресле, закрыв глаза и наслаждаясь теплом и покоем.

Евгений выбирал диск с медленной музыкой, стараясь отвлечься от охватившего его желания. Эротические картинки возникали в его сознании помимо воли. Он знал: эта женщина сегодня будет его. Он умел чувствовать такие вещи безошибочно. Любит ли она? Скорее всего, нет. Не стоит обманывать себя. Ей просто скучно, чего-то хочется... Развлечений, перемен, острых ощущений?.. Какая разница?! Главное – использовать это ее состояние достаточно умно. Они оба получают удовольствие.

Восточная мелодия заполнила волнующими вибрациями пространство комнаты. Валерия открыла глаза, интуитивно ощущая направленный на нее поток вожделения. По телу побежали мурашки. Это смутило ее.

Евгений протянул Валерии рюмку с коньяком. Каждое его движение было исполнено достоинства.

– Съешь что-нибудь... Ты не обедала.

Она взяла большую кисть винограда с крупными желтыми ягодами.

– Вкусный... немного горьковатый. Он еще помнит жаркое солнце. – Валерия вздохнула. Внезапно ее пронзила жалость к хозяину. Взгляд скользнул по его круглому и обманчиво добродушному лицу, крепкой коренастой фигуре, ухоженным рукам. Расстегнутая на груди рубашка открывала черные завитки волос на груди.

«Обычный незащитный человек, – подумала она. Глаза ее заблестели от подступивших слез. – Да что же это со мной творится сегодня!»

– А какую глупость ты мог бы совершить ради меня?

– Я совершаю ради тебя мм-м... самую большую глупость в своей жизни уже целых полчаса. Неужели ты не видишь?

Он наклонился и поцеловал ее, осторожно прижимая к себе и ощущая сладкий вкус винограда на ее губах. Его прикосновения, уверенные и мягкие, оказались приятными. Валерию охватило блаженство... растворяясь в нем, она поняла, что хочет большего...

Ей нравились ласки и поцелуи, хотелось забыться, потерять контроль над собой. Евгений расстегнул молнию на ее платье, и оно соскользнуло на пол. Он чувствовал, что безумствует, теряя голову от желания, с трудом сдерживал готовую прорваться агрессию. Остатки здравого смысла ушли на то, чтобы не разорвать дорогое кружевное белье. Он так хотел эту женщину, что сознательно оттягивал момент полной близости. Валерия лениво уступала ему... Неожиданно в ее затуманенном сознании всплыло видение: она четко увидела себя в объятиях мужчины, в роскошной постели с полупрозрачным балдахином...

...Мужчина был необычайно красив, в восточном головном уборе, с бородкой. Взгляд его темных глаз повелевал, светился силой, названия которой нет среди слов, придуманных людьми. Он шептал странное имя – Сабхидари...

То ли тут, то ли там, в странном забытии, Валерия застонала, чувствуя приближение оргазма. Она не хотела отпускать видение, несмотря на то что краски померкли. Постепенно картинка опять приобрела четкость.

...Ее запястья, лодыжки ног были унизаны драгоценными браслетами, на бедрах – украшение из золотых пластин, с цветком посередине. Рубин, окруженный жемчужинами, дивно переливался в цветке между золотых листьев... Воздух, густо налит ароматом тропических цветов, окутывал любовников плотным душистым облаком. Длинные гирлянды из розовых и белых бутонов спускались по обеим сторонам ложа...

Кто может предсказать извилистый путь мысли? Почему вдруг в такую минуту Валерия вспомнила свое замужество? Непродолжительное, оно сразу же началось с размолвок, переходящих в скандалы, и постоянных обвинений во всех смертных грехах. Она уже сама запуталась, права она или нет. Может быть, она действительно неблагодарная, бестолковая неряха, тупая и беспомощная? Прежде чем она положила конец своему браку, пролилось немало слез... Душевное равновесие возвращалось медленно. Гораздо медленнее, чем хотелось бы. С тех пор Валерия избегала мужчин.

Горькое воспоминание о семейной жизни вытеснило чудесное видение, испортило удовольствие.

Евгений принес высокий стакан, полный гранатового сока.

– Я всегда добавляю немного сахара, так лучше. – Он протянул Валерии стакан. – Останься до утра. Мне хочется, чтобы завтра м-мм... ты проснулась здесь. Я отвезу тебя домой, а потом на работу.

Она уловила в его голосе робкие и просящие нотки.

– Ладно... – Валерия завернулась в атласное покрывало, зевнула. – Уговорил...

В комнате стало темно и тихо, грань между явью и сном постепенно стиралась.

– Валерия... – слышала она тихий шепот, но сладкая полудрема лишила воли ее тело. Она не ответила...

ГЛАВА 5

Белоснежный дворец – сон небесного облака – тонул в аромате жасмина. Его изящные формы, стрелчатые своды, каскад легких колонн отражались в неподвижном зеркале прозрачного водоема, мраморный пол которого мерцал зеленовато-голубым светом... Среди цветущих кустов и стройных пальм на желтых камнях дорожки застыл в ожидании босоногий человек в белом одеянии. Он что-то напевал. Певец обращался к утренней заре как к живому существу, называя ее прекрасной, розовощекой, нежной и чарующей Ушас – богиней восхода солнца. Таков был мудрец, брахман, живущий во дворце.

Теплый ветерок зашуршал в душистой листве... Шелест звучал, словно шепот, сладостно-вкрадчивый: брахма... брахма... что означает «святые слова». Громкие шаги заглушили сладкозвучный шепот.

То же лицо! Она узнала мужчину, с которым видела себя в роскошной спальне. Теперь он был в богатых одеждах. Это хозяин дворца, могущественный раджа. Он шел быстро и решительно, вовлекая в движение множество нежных цветочных лепестков.

«И тучи над их головами превращались в цветы, которые падали с неба, источая чудесный аромат, и осыпали их, словно дождь из жемчужных лепестков...» – нараспев произнес мудрец слова древнего поэтического текста.

– Рад видеть тебя в покое и здравии, любимец богов! – Владыка дружески улыбался. Взгляд царя был полон неукротимой энергии и жажды жизни.

Мудрец приветствовал его грациозным жестом, прикоснувшись ко лбу и груди, в том месте, где ощущалось биение сердца.

– Прими искренность мою, Владыка, ибо видишь меня среди дня и среди ночи. Прими труд мой, если он тебе на пользу. Яви, Владыка, милость твою, ибо тьма велика, а путь нескончаем!..

– Как мне нравится беседовать с тобой! – ответил правитель, склоняя голову, потому что мудрец был маленького роста. – Воистину умеете поразить туман лицемерия, но каждый лепесток искренности пусть живет!

– Великий раджа сам – цветок дерзания. Истина, Сила и Отвага – лепестки этого цветка, зажигающие звезды...

Они шли по дорожке, продолжая беседу.

– Черпаешь силу Индры⁴, своевольный правитель?

Иронический тон брахмана на мгновение заставил красивое лицо раджи залиться краской гнева, изобличая в нем прежде всего человека, который подчиняет своей власти все окружающее, но не может быть владыкой своих собственных чувств. К чести раджи, ему удалось обуздать вспышку негодования.

– Если знаешь, поведай, как достичь небесного сада Индры? – уже вполне спокойным и дружелюбным тоном спросил царь. – Хочу увидеть дерево Кальпа, которое вместо плодов приносит то, что более всего желаешь!

– Великий царь, прислушайся, даже ветер смеется над тобой...

В шуршании листьев и веток слышалось, как кто-то невидимый громко шепчет невнятные, тревожные слова... Брахман расхохотался. Почему? Его речи и поведение казались запутанными молодому радже.

– Я не понимаю тебя. Изъясняйся проще. Твои мысли бегут по саду мудрости быстрее, чем мои...

⁴ Индра – в ведизме бог грозы и бури, позднее – бог войны; царь богов.

– О да! Да! Ты собираешься просить, Влады – ка? Но что ты попросишь? Кто и что может дать тебе, изначально имеющему *все* в этом мире?

Великий раджа так и не ответил ему. Неисчислимы нити паутины кармы, непостижимы связи земные и небесные... Он так и не посмел признаться, что бог Кама натянул тетиву и выпустил в его сердце свои цветочные стрелы Любви...

Даже великий и всемогущий раджа не может остановить поток слез, который истекает из его раненого сердца, ибо жизнь Сабхидари тает, как роса при свете солнца... Только чудо может продлить ее.

* * *

Отец Ника, используя свои связи, приобретенные за годы работы с ювелирами и перекупщиками золота, помог реализовать содержимое стерилизатора. Лишних вопросов Пантелеймон Андреевич не задавал, удовлетвоваввшись объяснением, что кольца и перстни – собственность Валена, которому срочно нужны деньги. Все оказалось проще простого.

Выручили приятели за золото не так много, как ожидал Вален, но сумма оказалась приличная.

Уже одетый, Ник заглянул в комнату.

– Я сегодня дежурю у старого в ломбарде. Ты будешь дома?

– Да. Не забудь предупредить, что тебя два-три дня не будет, – напомнил Вален.

– Ладно, скажу. Между прочим, пора бы развлечься где-нибудь с девочками!

Вален с досадой посмотрел на друга, но решил поддержать его идею. Отношения портить не следовало.

– Неплохая мысль. Давай устроим вечеринку! Пригласи пару телок, только не с улицы.

В конце концов, каждый имеет право жить, как хочет. Если Нику необходимы девочки, так тому и быть.

Оставшись в одиночестве, Вален задумался. Лежа на диване, он напряженно вспоминал слова Вадика про коломенский склеп. Сведений слишком мало. Надо ехать, расспрашивать местных старожилов. В Коломне есть река, можно заодно и порыбачить, и узнать все, что интересует. Костер, уха из свежей рыбы, неспешные разговоры под водочку и хорошую закуску – лучший способ выведать у человека все необходимое так, что он и сам не заметит.

Проголодавшись, Вален отправился на кухню. Умственная деятельность просто пожирает энергию. Стоит только задуматься о делах, как сразу хочется есть! На сей раз ему захотелось сладкого. Пожалуй, он бы съел кусок торта или пирожное с чаем. Надо сходить за удочками и по пути забежать в кондитерскую на углу.

Он приобрел все необходимое для рыбалки, в кондитерской купил миндальных пирожных, ореховых трубочек и, довольный, вернулся домой. Включив чайник, он смотрел в окно, как во дворе дети возятся в огромной луже, носят ведерками грязную воду...

Предстоящая рыбалка все больше увлекала его. В Коломне их с Ником ждет не только работа, но и приятный отдых. Вот это жизнь! Не то что пахать от зари до зари.

Возвратившись с дежурства, Ник сразу заметил стоящие в холле удочки.

– Что это за снасти? Зачем? – он устал и хотел спать.

– Мы едем на рыбалку.

– Какую рыбалку? По-моему, речь шла совсем о другом! – Ник не мог взять в толк, что ему предлагают.

– Сейчас, конечно, холодновато, но ничего, – как ни в чем не бывало продолжал Вален. – Теперь у нас общее дело, и оно требует, чтобы мы порыбачили, пообщались с местными рыбаками. Ты предупредил в ломбарде?

– Я договорился с охранником, потом отдам ему деньги за два дежурства.

– Смотри, что я купил... – Вален вытащил из пакета всякие приспособления для ловли рыбы. – Кстати, у тебя есть резиновые сапоги?

Ник взирал на снасти без всякого энтузиазма, он терпеть не мог рыбалку. Валена рассмешил обескураженный и взъерошенный вид друга.

– Если тебе повезет, поймашь русалку. Пригласим ее к костру.

– Господи, Вален, что ты несешь? – Ник пришел в ужас от этой невинной шутки. Он с детства панически боялся оборотней, колдунов, цыган, леших, домовых и всего, что с ними связано. – Надеюсь, ночевать на берегу реки не придется?

– Думаю, нет. Но придется делать вид, что рыба и уха составляют счастье нашей жизни.

* * *

Холодное утро радовало глаз прозрачными синими просторами, заревом над кромкой леса, неподвижной гладью Оки.

Ник не ожидал, что любоваться рекой так приятно. Необыкновенно чистый воздух кружил голову. Пахло водой. Далеко были видны изгибы реки, теряющиеся в розоватом тумане. Громко чирикали птицы, предвещая ясный солнечный день.

– Скоро потеплеет!

– Хорошо бы...

Ник с Валеном лениво перекинулись парой фраз. Говорить не хотелось. Было чудесно просто дышать, смотреть и слушать. Они долго шли вдоль берега, выбирая сухую возвышенность.

– Остановимся здесь. – Вален снял с плеч рюкзак. – Давай перекусим, пивка попьем, а потом будем думать, что делать с удочками.

– Где же твои рыбаки, которые сообщат нам, где клад зарыт? – не удержался Ник от сарказма.

– Смотри-ка, травка! – Вален не обращал внимания на колкости. Он уселся на поваленное бревно, начал доставать из рюкзака еду.

Свежий воздух вызвал у обоих здоровый аппетит: бутерброды с ветчиной, колбаса, помидоры – все казалось вкусным.

– Отличное место выбрали!

Приятеля от неожиданности вздрогнули. Неподалеку от них стоял человек с удочкой и сеткой для рыбы.

– И много здесь поймать можно? – поинтересовался Вален.

– Десятка два натаскаете. Карась нынче жадный, поделом ему.

– Вставай, Ник, пора рыбу ловить!

Собирая удочки, приятели присматривались к рыбаку, который болтал без умолку. Он то и дело снимал с крючка рыбку за рыбиной и замысловато ругался.

«Дед, видать, выпить любит: вон рожа какая красная, – отметил про себя Вален. – А то, что болтливый – нам на руку».

Ник и Вален тоже поймали несколько штук. Занятие это быстро им наскучило.

– Мы вам не мешаем? – вежливо спросил Вален у деда. Нужно же было как-то завести разговор.

– Не-е... – сразу отозвался дед. – Скука меня заела. Я почти каждый день рыбачу, как лед сошел. И все один. А тут вы... Втроем веселее! Меня Егорычем кличут.

– Давайте, Егорыч, уху варить, с перчиком, с лавровым листом. У нас все есть. И водочка! И закуска! А?

– Так я не против. Чего мне отказываться? Я завсегда за такое дело! Рыбы-то уж полное ведро. Хозяйке есть что принести. Я быстро – отнесу улов и вернусь.

Дед вытащил из ведра пару жирных карасей и бросил в котелок приятелей.

– Это на уху. Вы-то, я вижу, рыбаки не очень... Костер можете сложить, а варить без меня не начинайте...

ГЛАВА 6

Валерия задумчиво перебирала в руках деревянные бусы. Она вспоминала себя совсем молодой и наивной, покидающей родные пенаты с надеждой никогда не возвращаться. Как и многие другие, она оставила родительский дом, отправившись на поиски счастья. Но жизнь оказалась не такой, как на страницах книжек с картинками. Или, может быть, герои должны быть другими? Возможно, они не знают, за чем идут, что ищут?..

Валерия хотела счастья, как хотят его все, кто приходит в этот мир. Иначе это путешествие длиною в жизнь становится жестоким и бессмысленным.

Она подумала о Евгении. С ним было хорошо, но... Вот это «но» возникало каждый раз, словно злой дух из кувшина, и разбивало в пух и прах благие намерения и светлые помыслы. Не то чтобы горький опыт прошлого так уж отравлял ей жизнь, просто теперь она понимала: разгадка ее тайны кроется в ней самой. Она стала мудрее и смотрела теперь не столько на мужчину, сколько внутрь себя. Откликается ли там что-то?

Валерия вздохнула и посмотрела на веточку, которую ей преподнес соседский пятилетний мальчик. Он догнал ее у самого подъезда и протянул зажатый в кулачке побег.

– Это тебе! – по-детски бесцеремонно заявил он, глядя на нее серьезными серыми глазами. – Веточку надо поставить в воду, и тогда на ней появятся зеленые листочки. Моя мама всегда так делает. Бери!

Валерия ласково поблагодарила и взяла подарок. Дома она поставила побег в воду. Маленькая веточка умудрилась завладеть ее вниманием и заботой с первого же дня. Почки стали большими и блестящими, совсем скоро появятся нежные листики.

Довольно предаваться философским раздумьям, – пора приниматься за работу! Четыре файла с английским текстом ждали, чтобы их перевели и отредактировали. Как всегда, Валерия засиделась за работой допоздна, – пока не стихли все звуки, не сгустилась за окнами темнота.

Перед сном она взяла в руки книгу, подаренную Евгением – «Загадки древней Индии». Яркие, выполненные на мелованной бумаге иллюстрации были превосходны: прозрачные одежды, смуглые тела, роскошные украшения, пышно цветущая природа, радостные лица, – прелесть жизни, каждое восприятие ее исполнено трепетом восхищения, наслаждением, которое она дарит, являя себя во всей полноте. Какой удивительный взгляд на мир!

Перевернув страницу, она залюбовалась голубокожим Кришной, играющим на золотой свирели среди пестрых, беспечно порхающих мотыльков и райских птиц. Какое у него женственное лицо, кроткие глаза и изящные руки...

Хотелось спать. Книга в руках стала тяжелой. Валерия положила ее на тумбочку и выключила свет. Во сне она обязательно увидит что-нибудь необычное и волнующее!

Воздух светится голубым, а вода в озере – зеленым. Оно непрерывно движется, само по себе, развлекая себя и наблюдая все, что происходит вокруг. Ярко-оранжевое солнце горит на небе, не источая тепла, – только свет. Воздух вокруг непривычно плотный, несмотря на прозрачность. Чудеса!

– Нет, просто другая реальность, – пришел ответ ниоткуда.

Ни единого шороха: ни шелеста листьев, ни пения птиц, ни жужжания насекомых...

Валерия опустила руки в воду – и почувствовала прикосновения озера, оно струилось по ее коже, ласкало.

– Так вот что такое живая вода! Как приятно!

Вдруг она очутилась в лодке, которая скользила по воде, черной и гладкой, как стекло. Крупные лотосы неподвижно лежали на поверхности, отражаясь в зеркале водоема. Лодку окутал голубоватый туман; на носу ее, прямо перед Валерией, сидел очень красивый молодой

мужчина. Его фигура сияла, словно голубое солнце в форме человеческого тела. Во всем его облике угадывалась скрытая мощь.

Она смотрела и не верила своим глазам. Это Кришина? В нем нет ничего женственного!

Полное и абсолютное понимание проникло в ее сердце и озарило его изнутри светом счастья. Голубой полуночный мир поглотил ее, сомкнувшись. Она замерла от усилия найти в себе такие же чувства и не смогла. Слезы стекали по ее щекам обильным теплым потоком... Сквозь их мутную пелену она видела, как Кришина снял свою гирлянду из алых цветов и надел ей на шею, ласково коснувшись рукой ее щеки... Благоухание цветов превратилось в дурман...

Валерия подскочила в постели. Обвела широко открытыми глазами комнату. Ничего... Боже мой! Вот что значит сидеть за компьютером допоздна, а потом еще читать странные книги... Она потянула носом. Благоухание не исчезло.

Она снова вдохнула. Что же это? Запах такой, словно окно в комнате выходит прямо в цветущий сад... Валерия выглянула во двор. Какой сад?! Еще даже снег не везде растаял. Она перевела взгляд на веточку и поразилась. Веточка в вазе расцвела, да еще как! Густо облепленная мелкими бело-розовыми цветами, она издавала этот беспокоящий Валерию аромат. Но еще вчера почки были закрыты...

Она наклонилась и тронула цветочек. Желтая пыльца осталась на пальце. Цветы оказались самыми настоящими.

«И хорошо, очень красиво», – Валерия приняла все как есть. Она не решилась задумываться. Просто много работала в последнее время. Переутомилась. Вот и...

Тут она вспомнила, как Евгений говорил ей о режиме дня: «Спокойствие и уверенность во многом зависят от того, как организована жизнь. Хорошее питание и достаточный сон – лучшее лекарство от переутомления и депрессии».

– О, какой он правильный! – ее затошнило.

За завтраком она все еще думала о Евгении. О том, что боится однообразия, разочарований и скуки. Бутерброд с мясом и зеленью был таким огромным, что она откусывала его с трудом, запивая сладким кофе. Мысли немного упорядочились.

Валерия так наелась, что с трудом застегнула юбку, – она была довольна, что позаботилась о себе как следует.

– Ой, опаздываю на конференцию...

Она впопыхах вылетела из подъезда и едва не сбила с ног Евгения.

– Куда ты так спешишь? – Его машина стояла прямо перед ней. – Опаздывающая женщина – это тайфун!

Он засмеялся, вырываясь со двора.

Валерия находила в себе только жалость к нему, которая грозила перерасти в любовь. Женщины часто попадают в ловушку жалости...

Сегодняшний день складывался неудачно. Конференция затянулась. Напряжение, в котором Валерия провела эти долгие часы, утомило ее, к тому же она не успела пообедать. Даже во время перерыва пришлось переводить.

«Мне необходимо отдохнуть. Такая усталость неспроста. Как бы не заболеть».

Когда все закончилось и появилась возможность уйти, она даже не ощутила радости. Безразличие и желание спать – вот все, что она испытывала.

У выхода Евгений разговаривал с весьма элегантным пожилым мужчиной. Он заметил ее и вежливо попрощался со своим собеседником.

– Устала?

– Да.

Она едва ворочала языком. Голова кружилась.

– Я за тобой. Поехали.

По дороге он почувствовал, что не хочет отпускать ее. Сдурел окончательно, так можно все испортить. У него была своя собственная, выверенная опытом и временем философия обращения с женщинами, которая ни разу его не подводила. Но этот случай особый. Евгений вспомнил, как все начиналось, как он не сомневался, что одержит победу над этой женщиной, подчинит ее своей воле, а потом... она станет ему неинтересна. Сценарий всегда был один и тот же. Сейчас его уверенность таяла быстрее, чем остатки снега на городских тротуарах. Теперь он не только не был уверен, – он начал бояться, что не сможет удержать Валерию. Глядя на нее, он вдруг подумал, что сама женская красота – редкая драгоценность, она как самородные камни, которые бывают настолько совершенны, что им не нужна отделка. И форма, и цвет – без единого изъяна.

Что-то в этой древней любовной игре, в которую он привык играть по своим правилам, пошло не так...

– Я не против выпить чашечку кофе, а ты? Давай зайдем в какой-нибудь уютный ресторанчик, – он внимательно посмотрел на Валерию, с волнением ожидая ответа. Она рассеянно улыбнулась.

– Ну, что с тобой сегодня? – спросил он мягко.

Валерия взяла себя в руки.

– Я с удовольствием...

* * *

Костер разгорелся на славу. Уха аппетитно булькала и благоухала лавровым листом. Дед помешивал в котелке принесенной из дому деревянной ложкой и тихонько приговаривал что-то себе под нос.

– Колдуешь, что ли? – не выдержал Ник.

– Да ты что говоришь-то? – возмутился дед. – Молчать я не люблю, а старуха заела: надоел я ей со своей болтовней. Вот и привык себе под нос бормотать, чтобы она не слышала.

– А есть колдуны у вас в Коломне? – спросил Вален безразличным тоном, вроде от нечего делать. – Только не эти... экстрасенсы... а настоящие?

– Бог с вами, ребята! Нету у нас таких. Слухи были... да и те давно бильем поросли.

Резко похолодало. Начался ветер, река покрылась крупной рябью.

– Выпьем, Егорыч? – Вален подал деду кружку с водкой. – Ник, иди сюда! Давай за знакомство.

Дед поднял кружку. Он действительно любил выпить. Старость делала его неинтересным для окружающих, одиноким. Возможность поговорить с людьми, почувствовать их уважение и признательность выпадала не часто.

Уха оказалась удивительно вкусной, наваристой, с запахом дыма. Вален достал из рюкзака оставшуюся закуску: копченую грудинку, сыр, малосольные огурчики.

– Какие вы запасливые ребята! – дед с удовольствием принялся за еду.

Водку пили просто так, без тостов, закусывая душистыми кусками рыбы. Аппетит у всех оказался отменный. Костер разгорелся и припекал бока, багровые искры таяли в начинающем темнеть небе. В свете пламени кружилась мошкара.

Вален, изрядно опьяневший, не упустил случая выудить у деда нужные сведения.

– Егорыч, расскажи какую-нибудь страшную историю...

– Это про что же? – старик блаженно шурился, поглядывая на костер.

– Ну... – Вален сделал вид, что думает, – про мертвецов! Про кладбище!

– Да что вы, как малые дети! Мертвецы... они мертвецы и есть. Что про них рассказывать? Разве что показать?

– А хоть бы и так!

– Не сробеете?

– Проверить надо. Ник, наливай для храбрости!

Они выпили. Слово за слово, Вален упомянул о доме со склепом. Уж не туда ли соби-
рается свести их хитрый рыбак? Дед сыпал шутками-прибаутками, глаза его сверкали из-под
седых бровей.

– О чем ты думаешь? Где мы будем ночевать? – зашипел Ник на ухо товарищу. – Ты
знаешь, когда последняя электричка? Егорыч, хоть ты скажи ему!

Он начал раскисать. Расстроился не на шутку и сидел с понурым видом.

– Ладно, пошли, ребята, я вас пристрою на ночлег... с мертвецами! – дед захихикал.

Ник в ужасе смотрел на него. Вален собирал вещи, заталкивая их в рюкзаки как попало.

Дед вывел их с берега реки на тихую глухую улочку. В темном небе стояла убывающая
луна, освещая бледным светом дорогу.

– Дом-то наш знаменитый достался бабке Полторацкой по наследству. Она не местная,
в Коломне совсем недавно. Живет одна. Она странная, но не злобная. Я ей рыбу продаю,
раз в неделю. Вот и познакомились.

– А как ее зовут? – Вален сосредоточился, чтобы запомнить. Он ликовал. Опять удача!
Определенно ему везет.

– Зовут бабку Инна Аркадьевна, – дед кашлянул. – Благовоспитанная старушка... вы с
ней повежливее.

В темноте проступали очертания дома. На первом этаже горело единственное окошко.
Неяркий свет падал на высокое крытое каменное крыльцо с перилами. Дед смело постучал.

Дверь открылась сразу, как будто хозяйка ждала гостей. Она ни о чем не спрашивала,
стоя в проеме двери с керосиновой лампой в руке и пытаясь рассмотреть поздних посетителей.

– Инна Аркадьевна, это я, – дед выступил на свет. – Вот, гостей вам привел.

– Я вижу, Максим Егорыч. Только молодые люди мне незнакомые... – она подняла лампу
повыше.

– Это Коленька и Валек. У нас просьба к вам есть. Они сюда рыбачить приехали... – дед
прочистил горло, явно смущаясь хозяйки. – Валек, говори сам, у тебя складнее получится!

Вален, стараясь скрыть опьянение, заговорил медленно, тщательно подбирая слова.

– Видите ли... я историк. Мы бы никогда не решились вас беспокоить, если бы Максим
Егорыч не проговорился, какая знаменитая у вас усадьба. Я просто не могу себе позволить
быть в Коломне и не посетить такую достопримечательность! Если бы вы согласились уделить
нам с другом немного времени... рассказать о прошлом вашей семьи, показать нам фамильные
реликвии...

Инна Аркадьевна никак не реагировала, просто стояла и спокойно смотрела.

– Они на электричку опоздали из-за меня, – вмешался дед. – Рыбачили вместе, ну и заси-
делись... Примите на ночь, заодно и покажете им ваш дом. Ребята хорошие, головой ручаюсь.

– Бога ради, пусть ночуют, – отрывисто вымолвила хозяйка. – Проходите...

Она посторонилась, уступая гостям дорогу.

Ник и Вален, непонятно почему, оробели. Они нерешительно, как-то бочком, прошли
за хозяйкой по длинному темному коридору. Свет лампы отбрасывал колеблющиеся тени на
деревянные панели стен. Пахло лаком, старой мебелью и керосином. Вален испытал странное
чувство... Он сам стремился попасть в этот таинственный дом, а ощущение было такое, будто
бы его сюда заманили необычайно хитрым способом. Словно он идет в западню...

Ник несколько раз бросал на него перепуганные взгляды. Оба сразу протрезвели.

Инна Аркадьевна шагала не оглядываясь, прямая, стройная, и сзади напоминала даму
из чеховских рассказов, а вовсе не бабку. У нее были пышные волосы, несмотря на возраст,
уложенные в прическу на старинный манер. Длинное платье едва не касалось пола.

Она провела гостей через несколько комнат, расположенных анфиладой. В свете лампы мелькала темная массивная мебель – комод, широкий шкаф, стулья с высокими спинками, тяжелые сундуки. Мрачно, пустынно и холодно – такое впечатление произвел на приятелей старый дом.

– Именно так, молодые люди: пустынно и холодно! – неожиданно произнесла хозяйка.

Ник и Вален вздрогнули. Неужели они высказали свои мысли вслух? Да нет вроде. Рта не раскрыли с тех пор, как переступили порог.

– А?.. – Вален застыл с таким растерянным видом, что женщина засмеялась.

– Я тоже чувствую себя здесь не очень уютно. Как будто в гостях.

Инна Аркадьевна пригласила молодых людей в просторную, чисто выбеленную комнату, поставила лампу на круглый стол без скатерти. В углу висели несколько старинных икон в потемневших окладах.

– Электричество нынче дорого, приходится экономить. У меня в подвале целый ящик свечей остался от предыдущих хозяев да канистра с керосином. Нужно использовать. – Она еле заметно улыбнулась одними глазами. – Вы не курите?

Вопрос застал приятелей врасплох. Они не сразу нашли что ответить. Ник, как истинный джентльмен, опомнился первым, полез в карман и достал пачку дорогих сигарет.

– Курите... Мы с удовольствием составим вам компанию, если позволите.

– Разумеется, позволю! Отчего же не позволить?

Хозяйка все так же неопределенно усмехалась.

Видно было, что когда-то давно она была поразительно красивой женщиной. Остатки ее былой красоты до сих пор поражали воображение: ровный и чистый овал лица, прямой нос, губы изящной формы, горделивая посадка головы, пышная прическа из выющихся от природы волос. Седина придавала ее облику особую пикантность, казалась проявлением изысканного вкуса, а вовсе не возраста.

Вален сидел насупившись, тоже курил.

«Здесь жутко неуютно, – подумал он и глянул на Ника. Тот раскрыл рот, уставившись на хозяйку, словно кобра на заклинателя змей. – Проклятый идиот! Раззявил варежку!»

Ник не спускал с Инны Аркадьевны глаз: женщины были его слабостью. А эта такая необычная...

– Пойду поставлю чай. Что-то вид у вас обоих невеселый... – она плотно задернула коричневые гардины с бахромой в виде плюшевых шариков.

Как только ее прямая фигура скрылась за дверью, Вален подошел к шкафу, намереваясь посмотреть его содержимое. Ник загородил ему дорогу.

– Ты что? Не смей этого делать! – неприкрытое отвращение читалось на его лице.

Вален рассердился, но не подал виду. Он сел обратно на стул и начал демонстративно качать ногой.

Хозяйка быстро вернулась с большим серебряным подносом, на котором стояли чашки, полные горячего чая, сахарница и вазочка с вареньем. Ник подскочил, помог ей поставить поднос на стол.

– Что же вас интересует, молодой человек? – без обиняков спросила Инна Аркадьевна, повернувшись к Валену.

– Расскажите сами, что считаете достойным внимания. – Вален внутренне «тащился» от своей воспитанности и изысканного слога. – Может, есть какие-то семейные предания, романтические истории? Или отношения с царской семьей? Какие-нибудь щедрые дары от венценосцев?

«Окончательно рехнулся со своими сокровищами!» – зло подумал о дружке Ник. Ему стало противно, когда он вспомнил, с какой целью они проникли обманом в дом Инны Аркадьевны. А она еще мило с ними беседует, угощает чаем!

– Да нет, пожалуй. Вынуждена вас разочаровать, – женщина посмотрела на Валена так, словно его намерения не представляли для нее никакой тайны. – Щедрых даров от царей никто из Полторацких не получал. А вот романтические приключения случались, и не одно. Только вот что вам рассказать? Произошла в нашем роду одна страшная история, которую не стоит слушать на ночь... И позвольте дать вам один совет, молодой человек: не копайтесь в прошлом, не ищите неприятностей на свою голову.

Рука хозяйки, тонкая, с продолговатой кистью и длинными худыми пальцами, слегка дрожала.

– Что вы имеете в виду? – Вален почувствовал азарт игрока.

– Боюсь, вы никогда уже не сможете жить по-прежнему, когда узнаете то, что вам знать не следует. Зачем вам, современному образованному человеку, ворошить прошлое?

– Инна Аркадьевна, – заныл Вален, которого только раззадорили предупреждения хозяйки, – прошу вас, расскажите! Умоляю! Ведь это так интригует!

Женщина вздохнула.

– Я предполагала, что вы меня не послушаете и будете настаивать. Ну что ж, раз вы так упорно выпрашиваете себе смерти...

Ник побледнел. Он чувствовал себя участником пьесы, – актриса на сцене произносит роковые слова, за которыми неминуемо последует страшная трагическая развязка.

– Господи, пусть будет не как я хочу, но как Ты... – хозяйка старого дома перекрестилась и приступила к рассказу.

ГЛАВА 7

– Долгое время считалось, что над нашей семьей есть благословение Господнее. Полторацким везло во всем, за что бы они ни брались. Мужчины нашего рода были сильными, предприимчивыми, умными и красивыми. Женщины отличались не столько внешностью, сколько кротким характером, добротой и необыкновенными способностями... Они могли предсказывать будущее, молиться об удаче, вылечивать разные болезни. Много необычного происходило в наших родовых усадьбах. На Полторацких охотно женились: они становились преданными женами и рачительными хозяйками.

Наша коломенская ветвь, правда, ничем особым не выделялась, если бы не одна история. Мы состояли в родстве с семьей Баскаковых: через Аграфену Федоровну, которая вышла замуж за Баскакова и уехала жить в Москву. Баскаковы были богаты и родовиты, имели дома в городе, несколько подмосковных имений. Все бы ничего – жили супруги душа в душу, в достатке и благополучии, родилась у них дочь, названная Александрой в честь бабушки. Красавица необычайная! Едва выросла, от женихов отбоя не было. Но вот здоровьем оказалась слабенькая – нервная, возбудимая, часто кашляла. Правда, мужчин это не останавливало: уж больно хороша была. Блистала она в обществе, как ослепительная звезда...

Ник весь превратился в слух.

– Да вы пейте чай, остынет. Сахару кладите побольше, Николай, – обратилась она к нему. – Вы, я полагаю, большой ценитель женской красоты.

Ник сильно покраснел и что-то буркнул себе под нос.

– С Александрой что-то случилось? – не выдержал Вален.

Инна Аркадьевна сразу напряглась.

– Вы очень догадливы, юноша. Случилось. Рано или поздно это случается со всеми нами... Но ей пришлось уйти из жизни слишком молодой. И произошло это все из-за рубиновых серег. Проклятие, а не вещь!

– Из-за серег? – переспросил Вален, вид которого напоминал гончую, взявшую след.

– Вот именно. Странно, правда? – Инна Аркадьевна задумчиво опустила голову. – Правда, уж очень необыкновенные были серьги. Я-то их не видела – Бог миловал, но рассказ о них передается из уст в уста. Никто не мог тогда понять, откуда Мишель – это жених Александры – мог их взять? Рубины стоили целое состояние, а их семья почти не имела средств. Еще одна загадка.

– Запутанная история... – Вален нетерпеливо ерзал на стуле, ожидая продолжения.

– Да... Александра очень дорожила подарком, как будто вся жизнь ее, вся судьба была в этих серьгах.

Она словно с ума сошла. Только вот долгожданного счастья они ей не принесли. Вскоре она заболела и умерла при очень странных обстоятельствах.

Воцарилось молчание. Первым нарушил его Ник.

– А портрета Александры не было? Такая красавица...

– Ну, почему же не было? Многие художники ее писали, да только все портреты куда-то исчезли. Один английский аристократ, лорд, купил ее портрет у Протасовых, уже после смерти Мишеля, за большие деньги и вывез за границу. Так и остальные разошлись, какой куда.

– Протасовы? Кто они?

– Какой дотошный молодой человек! – усмехнулась хозяйка. – Это семья Мишеля, за которого собиралась выйти замуж Александра. Да, видно, не судьба... Потом Протасовы совсем разорились, вот и продали портрет. В общем, с появлением этих самых серег началась череда смертей и несчастий. Сестра Аграфены Федоровны, Мария, уж на что мастерица была

проклятия отводить, а собственной любимой племяннице не смогла помочь. Великая тайна в этих серьгах заключалась... Так и не разгадал ее никто.

– Жалко, что нельзя посмотреть, какая она была, Александра! – мечтательно произнес Ник, настроение которого быстро менялось – от страха к восхищению, от восхищения к грусти.

– Почему это нельзя? – удивилась Инна Аркадьевна. – Есть большой парадный портрет, заказанный родителями незадолго до смерти дочери. Могу показать, если хотите. Он на втором этаже. Я там почти не бываю, тяжело подниматься: лестница старая, крутая. Света нет... Некому вкрутить лампочки. Да они и не нужны. Придется идти со свечой. Не побойтесь?

Осторожно ступая по узким ступенькам вслед за хозяйкой дома, приятели, каждый по-своему, представляли себе таинственную красавицу. Вален наступил на что-то, хрустнувшее, как стекло. Инна Аркадьевна не оглянулась, не остановилась.

Подъем наконец закончился.

– Это верхняя галерея. Здесь на стене портрет Александры, – хозяйка зажгла еще одну свечу, подав ее Нику. – Держите, молодой человек!

По темным стенам замечались красноватые блики. В их мерцающем свете, словно из небытия, проявилась старинная, под бронзу, рама огромного парадного портрета. Нику стало слегка жутковато. Вален нервно поежился...

С портрета, как живая, смотрела молодая, очень красивая женщина. Необычная, жгучая, как небо юга, красота... что-то восточное, затаенно-страстное... Персиковый оттенок кожи, нежный, едва проступающий румянец, иссиня-черные завитки волос на висках; длинные, пышные и блестящие пряди спадают на шею, на безукоризненно прекрасные точеные плечи. Изысканно-капризные, пухлые и яркие губы чуть-чуть, едва заметно, улыбаются. Над верхней губой – бархатистый пушок, от которого сладко вздрагивает сердце. Непроглядно-темные глаза манят и затягивают в свой жаркий омут, длинные ресницы бросают нежные тени на щеки... грудь жемчужно светится изнутри, как будто дышит...

Белоснежное платье в кипении кружев сияло атласными переливами шелка, перламутром складок; между позументом корсажа лунно поблескивали камни, переплетались голубоватые ленты...

Ах, что за женщина! Роскошная, подобная бриллианту на черном бархате...

Художник так и изобразил ее, как бы выплывающую из темного бездонного пространства, окутанную розовой дымкой. Как будто где-то у нее за спиной должно взойти красное светило... ослепительные лучи которого причудливо играют на камнях ее серег, чуть оттягивающих мочки ушей. Камни ало мерцают и переливаются в колеблющемся свете живого пламени...

Вален так и впился в них взглядом. Вот это вещь! Он аж задохнулся от восторга и жадности. Покосился на Ника. Тот стоял как зачарованный, бледный, с остановившимся, безумным взглядом, не в силах преодолеть магическое очарование портрета. Женщина не хотела его отпускать...

– Ник, ты чего?

Инна Аркадьевна смотрела на них обоих с жалостью, она читала их души, как открытую книгу.

Ник уставился на портрет, – он уже видел Александру. Но где? Тут он вспомнил, что это образ, рожденный его собственным воображением еще там, в чебуречной, когда они с Валеном пили водку. Какая грубая проза! Ему показалось, что он сходит с ума. При чем здесь чебуречная? Вален? При чем здесь все? На его висках выступил пот, руки дрожали. Да, без сомнения... те же черные завитки волос, те же горящие, больные глаза... Ник пытался поверить, что перед ним портрет, написанный как минимум столетие назад, – и не мог.

– Все это произошло здесь, в доме? – спросил Вален.

Инна Аркадьевна ответила не сразу. Она опустила свечу, задула ее и положила в карман темного длинного передника. Затем мягко тронула за локоть Ника, взяла у него из рук вторую свечу, которая ходила ходуном и едва не погасла.

– Нет-нет, что вы! Аграфена Федоровна жила в Велинском имении Баскаковых, там же, в фамильном склепе, они и похоронили дочь.

– А куда делись серьги? – Вален чувствовал в груди жар.

– Этого никто не знает. Последний раз их видели на Александре, когда ее тело выставили в бальном зале имения, чтобы все, кто ее любил, могли попрощаться с ней. А потом... – Инна Аркадьевна задумалась. – Серьги были ей очень дороги. Скорее всего, она не захотела с ними расставаться. Во всяком случае, я больше ничего не могу добавить к сказанному...

Возвратившись на следующий день в Москву, Ник и Вален проспали до вечера. Рюкзаки, так и не разобранные, стояли в холле.

Вален проснулся первый, решил принять душ. Свежий и довольный, застегивая на ходу молнию олимпийки, подошел будить друга.

– Ник, вставай пить чай.

«Чего это он так сияет?» – радостно-возбужденный вид Валена вызвал у Ника глухую злобу. Сам он чувствовал себя прескверно: снились кошмары, голова раскалывалась от боли. Не надо было столько пить на проклятой рыбалке!

Крепкий чай пришелся очень кстати. Нику не хотелось говорить о том, что они узнали в доме Полторацких, поэтому молча пил чай, стараясь не смотреть на друга.

– Ты что такой кислый? Простудился или влюбился?

Ник скривился от отвращения, решив не реагировать на плоский юмор.

– Не можешь забыть прекрасную мадам? – не унимался Вален.

– Больше ничего не придумал? Она же старуха!

– Я имел в виду ту, другую, что на портрете. Как ты на нее пялился! Чуть глаза из орбит не выскочили.

Ник неосторожно хлебнул горячего чая и обжегся. Он готов был убить Валена на месте.

– Ты на себя посмотри! Всю дорогу загадочно улыбался – прямо вылитая Джоконда! А теперь и вовсе сияешь от счастья. Может быть, это ты влюбился?

– Ладно, не ворчи. Я радуюсь, потому что все отлично складывается. Ты слышал про серьги? Если они тогда стоили целое состояние, то сейчас им и вовсе цены нет! Ювелир, знакомый твоего папочки, отвалит за них кругленькую сумму.

– Ты так говоришь, как будто они уже у тебя в кармане! Где ты их возьмешь? Сколько лет прошло! – Ник морщился от боли в затылке.

– Ник, дружище! Любая красавица будет у твоих ног. Ты будешь любим и сказочно богат...

Ник презрительно хмыкнул, выслушав его восторженную тираду.

Впечатления от увиденного в старом доме оказались слишком сильным испытанием для слабой натуры Ника. Вот уже несколько дней он не мог прийти в себя. Перед глазами так и стояли: мрачный каменный особняк, полумрак галереи, женщина с портрета, седая старуха, паутина и горящие свечи. Иногда ему казалось, что гуляющий по опустевшему дому сквозняк липкой сыростью касается его лица. Он вздрагивал, оглядывался и убеждался в том, что находится в своей собственной квартире, окруженный привычными и современными вещами.

Весна долго копила силы, но пришла бурно и стремительно. Еще недавно голые ветки покрылись нежной зеленью, отовсюду полезла травка, солнце растопило остатки снега и высушило лужи. Весело чирикали птички, девушки сменили пальто и плащи на короткие курточки, сверкали коленками и улыбались всем подряд...

«Что со мной? – думал Ник. – Почему меня все это не радует? Вся эта весна, синее небо, солнце?..»

Он чувствовал странную неуверенность, болела голова, особенно виски. Опять вспомнилась Коломна. Почему он должен делать то, чего совсем не хочет? Ведь он ужаснулся от одной только мысли, что нужно идти в склеп Полторацких. Но пошел, чтобы не показаться трусом. О Господи! Сейчас казалось удивительным, что он испугался. Кого? Чего? Но тогда...

И что они там увидели? Кирпичную лестницу, уходящую вниз, в темноту и сырость, узкий проход, шершавые стены. Весь склеп – обыкновенный холодный подвал, полный мусора и паутины. Каменные постаменты, отвратительный запах плесени, тления, сгнившей одежды, еще чего-то необъяснимо противного, гадкого. Стоило туда так рваться? У Валена определенно развились какие-то странности...

На удивление, друг оставил его в покое. Никаких новых планов и предложений, никаких идей. Ник был бы счастлив, если бы не постоянная нервозность.

Вален решил продумать все как следует, тщательно подготовиться, прежде чем начинать новое дело. Дни потекли один за другим, безоблачные, сытые и приятные.

Ник отдохнул, пришел в себя. Он поправился и вновь превратился в ленивого и добродушного парня, который случайно забрел в чебуречную и встретил там друга детства, которого тысячу лет не видел. Прекрасная погода, расцветающие деревья – все напоминало о том, что скоро лето.

* * *

Велинский краеведческий музей располагался в небольшом двухэтажном деревянном здании с красивой резной облицовкой, похожем на сказочный теремок.

На секунду Вален остановился в раздумье перед входом. Придется пройти по музею, делая умный вид. За это время ему порядком надоело притворяться, придумывать небылицы для оправдания своего интереса, хитрить и изворачиваться.

Вален решительно толкнул дверь и вошел. Плата за просмотр экспозиции оказалась чисто символической. В музее не было ни души. Он рассматривал коллекцию минералов, найденные на территории Велино каменные топоры и наконечники стрел, кости доисторических животных, образцы растений, чучела животных и птиц, выставленные за большими толстыми стеклами. Деревянный пол то и дело скрипел под ногами. Затхлый неподвижный воздух вызывал тошноту.

В пустой зал вошла молодая девушка и заговорила со смотрительницей, единственной на весь музей, которая ходила по пятам за Валеном, чтобы он, не дай бог, не похитил какое-нибудь ржавое ружье суворовских времен. Вален с притворным увлечением рассматривал рукописную книгу «царя Гороха», на самом деле наблюдая за их разговором. Когда девушка направилась к выходу, он пошел за ней.

– Простите, можно вас спросить кое о чем?

Она с удивлением обернулась, посмотрела. Парень показался симпатичным и воспитанным.

– Позвольте представиться, Валентин! – он галантно поклонился. – Я москвич, историк и просто любитель старины. Чувствую, что именно вы можете мне помочь.

Приятный голос, хорошие манеры и интеллигентная речь должны были произвести впечатление на провинциалку.

– Ой, не знаю! Я совсем недавно работаю здесь. Музеем заведует моя мама. Может быть, вам лучше обратиться к ней? – девушка смутилась.

– Пожалуй, неудобно будет надоедать вашей маме. Вопросы у меня очень необычные, специфические. Мне просто нужен хороший помощник. А как вас зовут?

– Вика. Здесь есть комнатка для сотрудников. Можно поговорить там.

Они уселись на обтянутую дерматином лавку. Вика слегка порозовела, ей было приятно беседовать с молодым человеком.

– Так что бы вы хотели узнать?

– Вы хорошо знаете историю Велино? Кто здесь жил раньше? Чьи поместья располагались на этих землях? Меня интересуют подмосковные усадьбы московских дворян, их быт, культура. Я подыскиваю материал для книги. Слышал, здесь недалеко было имение Баскаковых. Существует старинное предание об их красавице-дочери, умершей совсем молодой. Ее звали Александра. Потрясающая романтическая история! Что-нибудь знаете об этом?

– Почти ничего. Так... какие-то отрывочные сведения. Имение здесь действительно было, только оно давно разрушилось. Там сейчас пустырь. Ничего не осталось.

– Где же сие очарованное место? – Вален с трудом сохранял спокойствие. Он почувствовал, что напал на след. – Может, прогуляемся там при луне? Говорят, души влюбленных всегда возвращаются на место их прежних свиданий!

Вика кокетливо поправила волосы.

– Какой вы интересный! Я подумаю. А вдруг окажется, что в ночной тиши среди развалин собираются привидения, вспоминают старые добрые времена?

– Даже привидения будут рады служить вам!

Вален внутренне хохотал над своей глупой и напыщенной речью, но Вике это понравилось. Она покраснела от удовольствия и пообещала, что непременно составит ему компанию.

– Я найду через пару дней. Как вас найти? Вдруг в следующий раз мне так не повезет? – он улыбнулся.

– Дайте мне ваш телефон. Я сама позвоню.

Вален вышел из музея в прекрасном настроении.

Ему снова сопутствует удача. Вика – девушка, не избалованная мужским вниманием, добрая и наивная. Охмурить ее проще простого. Стоит сказать ей пару комплиментов, и она раздобудет все, что ему надо...

ГЛАВА 8

Ник уже привык к тому, что Вален часто исчезает из дому. Он радовался, что приятель не зовет его с собой, и наслаждался бездельем. Вместо удочек, которые Ник вытащил на балкон, в квартире появились две саперные лопатки, кирка, веревки и прочее.

Сегодня утром, когда он принял душ и собирался варить кофе, раздался сигнал мобильного. Оказалось, Вален забыл дома свой телефон. Ник из любопытства взглянул на дисплей. Высветилось имя – Вика. Он не удержался и нажал кнопку вызова. Девушка спросила:

– Валентин?

Ник стало интересно, – женщины всегда заставляли его делать глупости. Он помедлил секунду и сказал:

– Я слушаю.

– Это Вика, помните?

Девушка замялась. Голос в трубке показался ей незнакомым.

– Разумеется, как же я мог забыть, – Ник забавлялся от души.

– Это вы, Валентин? – переспросила она.

– Да! Да!

– Кажется, я нашла то, что вы просили. Все оказалось даже интереснее, чем я думала. Пожалуй, я согласна пойти с вами на романтическое свидание... – она запнулась. – Если вы не передумали.

– Что вы, что вы! – горячо запротестовал Ник, лихорадочно соображая, что же такое интересное могла узнать девушка для Валена. Наверное, опять его штучки с поисками кладов. – Все будет так, как я обещал!

Что же обещала эта скотина? Ник был в растерянности. Голос Вики ему понравился, не хотелось огорчать ее.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! А что вы нашли?

– Дневник гувернантки Баскаковых. Мы собирались идти на развалины их имения. Помните? В дневнике очень подробно все описано. Я читала всю ночь, не могла оторваться.

Ник уже пожалел, что назвался Валеном. Это довольно опрометчивый поступок с его стороны. Он запаниковал. Снова вспомнился коломенский дом, жуткий холодный склеп. У Ника разболелась голова. Опять начинается! Он-то надеялся, что Вален раздумал искать серыги. Не тут-то было!

– Вы не представляете, как я вам благодарен! – ему с трудом удавалось держать себя в руках. – Когда мы сможем встретиться?

– В четверг у меня свободный день. Но я буду в музее, приезжайте.

Ник положил трубку и глубоко задумался. Вален не отступит от своих планов; неплохо было бы узнать, что он собирается предпринять.

В прихожей хлопнула входная дверь.

– Возьми у меня торт и шампанское! – Вален с шумом раздевался. Рот у него был до ушей.

– По какому поводу праздник?

– Просто так, захотелось. Весна на улице!

– Тебе только что звонила какая-то Вика. – Ник сердился, сам не зная почему.

– Вика? И что ты ей сказал?

– Это она мне сказала, что нашла какой-то дневник. Голос у нее был очень взволнованный. В четверг она будет ждать тебя в музее. Ты пойдешь?

Ник не признался, что говорил от имени друга. Нагруженный тортом и бутылкой шампанского, он отправился на кухню. Вален с каждым днем вызывал у него все более сильную тревогу. Он скрывал свои поступки, становился непредсказуемым.

Ник резал торт и напряженно думал.

– А кто такая Вика? Что за музей?

Вален решил отшутиться.

– Боже мой, кто меня об этом спрашивает! Зачем тебе музей? Тебе нравятся совсем другие девушки! А меня привлекают те, с которыми можно поговорить о полезных вещах. Нам с тобой здорово везет, ты замечаешь?

Ник так не считал. У него все валялось из рук. Он чуть не уронил бутылку.

– Растяпа! – возмутился Вален. – Дай, я сам сделаю!

Он ловко открыл шампанское и разлил его по высоким фужерам.

– За наше с тобой богатство!

* * *

Огромный актовый зал был переполнен. Университет отмечал двадцатилетний юбилей. Выпускники всех возрастов разгуливали по коридорам, радостно обнимались, дарили преподавателям цветы и подарки. Из динамиков доносилась веселая музыка. В открытые настежь окна лилось весеннее солнце, запах черемухи и клейких тополиных листьев...

Пока шли последние приготовления к началу торжества, Валерия и Катенька оживленно болтали. Коллеги с удивлением отмечали происходящие с Катенькой метаморфозы. Язвительные замечания перестали сыпаться с ее острого язычка. Она больше не сплетничала, бросила курить и красить губы вызывающе яркой помадой, притихла и остепенилась. Она ко всем приставала со своим сочувствием, предлагала помощь и поддержку, где надо и не надо. Как ни странно, большинство людей приходили в неопишное раздражение от ее навязчивого внимания. Уж лучше бы она продолжала сплетничать и язвить. Все давно привыкли к такой манере общения, а новая Катенька изрядно «доставала» своей добродетельностью.

– Ты, я вижу, стала относиться к жизни слишком серьезно. – Валерии хотелось узнать причину столь глобальных перемен.

– И знаешь, благодаря кому? Я познакомилась с таким человеком! С таким... подвижником! – Катенька зажмурилась от переполнявших ее чувств. – Это необыкновенный, чудный человек! Такая редкость в наше время! Он врач, но исцеляет не только тела, а человеческие души. Именно они, заблудшие в грехе, нуждаются в милосердии и участии.

У Валерии закралось подозрение, что нечто подобное она уже где-то слышала... Но где?

– О ком это ты?

Катенька, увлеченная восхвалением своего кумира, пропустила вопрос мимо ушей. Она продолжала свою патетическую речь с таким воодушевлением, что Валерия всерьез обеспокоилась за ее рассудок.

– Он лично переписывается со многими международными авторитетами! Не только медицинскими светилами, но и представителями нетрадиционных школ! Он...

Валерия вдруг поняла, кого имеет в виду Катенька.

– Его зовут Борис Иванович?

Подруга застыла на полуслове с открытым ртом.

– Как, и ты его знаешь?

Ее по-детски непосредственное недоумение рассмешило Валерию. Она знает Бориса Ивановича и не восхищается таким чудом! Таким умом! Как можно?

Внезапно до Катеньки дошел смысл сказанного.

– Так это ты переводишь ему статьи из зарубежных журналов? А я думала он сам...

Она огорчилась. Похоже, ее кумир неожиданно утратил одно из своих бесчисленных достоинств. Впрочем, их еще оставалось столько, что незыблемый железобетонный авторитет «чуда» даже не пошатнулся.

– Борис Иванович так помог мне, – зашебетала Катенька с новыми силами, – он разобрался в моих проблемах лучше, чем я сама. Представляешь, он утверждает, что здоровье напрямую связано с тем, насколько чистую и непорочную жизнь ведет человек! Смирение и мудрость – главное в жизни!

Валерия слушала и все больше удивлялась, почему она не увидела в Борисе Ивановиче ничего подобного? Он показался ей человеком, уставшим от борьбы за престиж, звание и должность. Кроме того, у него самого накопилась уйма житейских проблем. Его отношения с коллегами складывались сложно, во всяком случае, отнюдь не чистосердечие и искренность служили для них основой. Напротив, доктора окружали зависть и недоброжелательство, сплетни и наговоры. Все, кому не лень, «вставляли палки ему в колеса». Валерия была почему-то уверена, что он и сам далеко не всегда был тем светочем разума и мудрости, которые ему приписывали.

Ей стало жаль Катеньку. Все, что та говорила, – правильно, красиво и логично. Но это были заученные книжные фразы, пустые и мертвые. Валерия пыталась уловить в ее словах дыхание жизни и не находила его. Она не понимала, что происходит с подругой...

* * *

После поездки в Велино Ник едва не опоздал на ночное дежурство. Вален запер за ним дверь и устроился на диване читать дневник, который они выпросили у Вики, пустив в ход все свое мужское обаяние. Ободранная обложка, напоминающая старую крокодиловую кожу, чуть не рассыпалась от прикосновений, из-под нее выглядывал картон.

Волнуясь, с тяжело бьющимся сердцем, Вален раскрыл первую страницу дневника, желтую от времени и пыли. Почерк, летящий и неровный, было не так-то легко разобрать. Из середины тетради вывалились сложенные особым образом тонкие ветхие листики бумаги с голубоватым вензелем в виде двух перекрещенных букв П в верхнем углу.

«Это потом», – решил он.

Отложив листики в сторону, он углубился в чтение.

ДНЕВНИК ГУВЕРНАНТКИ

ПОЛИНЫ ДОЖЕНАР

11 июня

Я завела эту тетрадь, чтобы записывать все события, пока моя дорогая Марго в отъезде. Когда она и барышня Протасова с кузинами вернутся из Бадена, я смогу подробно сообщить им все, чему буду свидетельницей в нашей подмосковной.

Сегодня ничего существенного не происходило. Впрочем, подробно – значит, подробно. Барышня медленно поправляется от нервной горячки, которая случилась с нею после вечеринки, устроенной господами для развлечения общества. Барыня строго отчитала горничных и слуг за то, что в усадьбу проник посторонний – монах или нищий, неизвестно, – тот самый, что напугал барышню Александру. Теперь каждый вечер несколько слуг с собаками обходят сад и дом вокруг, чтобы подобное, не дай бог, не повторилось.

Мишель приезжал каждый день, справлялся о здоровье барышни. Она его видеть не желала и принимать не соглашалась. Да и то сказать, она никого не принимала по причине крайнего недомогания. За доктором посылали через день, сенные девки то и дело собирали да заваривали разные полевые и лесные травы под руководством старой нянюшки.

Барин уж так по своей любимой дочери убивался, что привозил из монастыря святого старца, который обошел все комнаты, чертил кресты на стенах, окроплял святой водой из чудотворного источника, курил ладан и читал молитвы три дня и три ночи. Вся челядь и сами господа ходили буквально на цыпочках и то и дело к ручке этого старца прикладывались да просили благословения.

После сего освящения барышне Александре вроде бы полегчало. Она стала выходить из своей комнаты к обеду и к чаю, гуляла с нянюшкой в саду и даже начала снова играть на рояле. Она очень побледнела и исхудала, только глазищи остались огромные и пронзительные. Когда с ней заговоришь, она как будто слушает и даже что-то отвечает, а потом вдруг уставится в одну точку, задумается, словно совсем отрешится от этого мира, и смотрит... Что она там видит? Одному Богу ведомо.

Старец тот святой раз углядел, как барышня Александра в пустоту смотрит, и очень сильно этим огорчился. Нельзя, говорит, так от мира отрешаться, нехорошо это. Душа от сего леденеет и с телом растается. И велел барышню всячески в такие минуты развлекать, чтобы она не задумывалась надолго.

13 июня

День минул без особых происшествий. Приезжал Мишель, велел барышне передать подарок – бриллиантовую брошь очень тонкой работы, в виде цветка. На ужин остаться отказался. Как раз был и доктор, который всех уверил, что жизнь Александры вне опасности и она теперь непременно поправится. Мишель попрощался со всеми и уехал в Москву по каким-то своим неотложным делам.

Вчера вечером приехала в гости сестра барыни, Мария Федоровна, которая из Петербурга направляется в свое коломенское имение. Барыня наша, Аграфена Федоровна, урожденная Полторацкая, очень любит это сестрино имение и собиралась ехать туда погостить, да болезнь дочери все планы расстроила.

Мы с Марией Федоровной ходили в сад прогуляться перед обедом и нарезать цветов в оранжерее. Я ей рассказала все – про то, как барышня нарядилась в восточный наряд для танцев, про серьги рубиновые, которые неизвестно откуда у нее взялись, про монаха, который хотел то ли купить их, то ли еще что... про болезнь барышни Александры, про ее отношения с Мишелем, – словом, обо всем, что занимало меня и всех окружающих.

У барыниной сестры мой рассказ вызвал немалое беспокойство. Она велела горничным не оставлять Александру ни на минуту одну, даже ночью. Аграфена Федоровна призналась сестре, что расспрашивала с пристрастием дочь о рубиновых серьгах. Та сначала отнекивалась, а потом призналась, что серьги ей преподнес в подарок Мишель. Вот это так удивление!

– Да, – говорит барыня, – когда мы были в Европе, то посетили Лондон. По приглашению моей кузины, вышедшей замуж за английского посланника.

Оказалось, что барышня Александра познакомилась с Мишелем не где-нибудь, а в Лондоне. Вот так новость! До сих пор все думали, что они встретились в Петербурге...

Что всего удивительнее, – это у русских дворян сватовство или знакомство. Дружат семьями, танцуют на балах, любезничают на званых обедах да приемах... а знакомство происходит где-нибудь в Париже, Ницце или Лондоне, романтической Венеции или в Риме.

Сумасшедшие русские вельможи карабкаются на балконы своих возлюбленных, словно пылкие Ромео, гоняются за ними по безлюдным заснеженным дорогам, гробя лошадей, дерутся из-за своих дам на темных парижских улочках... Дикие, необузданные люди! У них все через край, все *слишком*. Их невозможно научить благоразумию и добродетели. Дикая страна, дикие нравы!..

14 июня

Сегодня прекрасное утро. После вчерашнего разговора, окончившегося за полночь, я долго не могла заснуть. Я лежала и думала. Отчего ни Мишель, ни Александра не говорили никому о серъгах? Почему скрывали? Почему такую дивную драгоценность барышня тщательно прятала и никогда не надевала?

Так, в раздумьях, я поднялась, привела себя в порядок, оделась и спустилась к завтраку. Моя комната находится на втором этаже, недалеко от комнат барышни.

Стол накрыли на террасе, выходящей на липовую аллею. У стола сидела Александра, бледная, с уставшим и каким-то изможденным лицом, в голубом летнем платье с широким атласным поясом, по последней парижской моде. В темных бездонных глазах ее таилась печаль.

На завтрак подавали мед, французские булочки, яйца, масло, пирожки с мясом и кофе. Барышня еле прикасалась к еде, лениво ковыряла ложкой яйцо, то и дело задумывалась, смотрела вдаль, туда, где сходились липовые деревья.

– Что Мишель, сообщил, как добрался?

Она спросила это равнодушно и почти без выражения, только из вежливости.

Барыня Аграфена Федоровна встрепелась, кликнула горничную. Та принесла бегом письмо на подносе.

– Это тебе от Мишеля. Разрезать?

Не дожидаясь ответа, она взяла нож для бумаги и разрежала письмо, подала дочери. Та взяла. Рука с письмом опустилась на колени. Александра вздохнула и начала читать письмо. Оно оказалось коротким.

– Что, душа моя, пишут нынче молодые люди? – Мария Федоровна отдала дань пирожкам и теперь намазывала булочку маслом и медом, запивала кофе. Аппетит у нее был истинно московский.

– Да так, ничего особенного. Дела улаживаются. Скоро он надеется быть здесь.

– Что ты не ешь ничего? Эдак можно и уморить себя.

– Ах, тетя, не хочется мне есть. Тоска какая-то на сердце... – Александра опустила глаза и закашлялась.

– И-и, милая, рано тебе еще о тоске-то говорить! Посмотри, воздух какой, небо! Тоска... Молодежи веселиться надобно, а не грустить.

Мария Федоровна допила кофе, спросила себе еще кислой капусты и квасу. Какое варварство!

Русская барыня – это та еще загадка!.. С какой стороны ни подступись – ничегошеньки не понятно. Наряды из Парижа, изящество, мушки над губкой, брильянты на длинной шее, походка, улыбка – так и бьют насмерть. При европейских-то дворах недаром по русским дамам галантные кавалеры сохнут.

А вот если разобраться да поближе на них посмотреть, не на балах, не на Елисейских Полях, а на их родной земле, тут-то вся их натура как на ладони. Варенье варят прямо в саду, самолично в банки разливают, с санными девками в бане парятся, как простолюдинки, крестьянские песни горланят. И ведь что удивительно – на фортепьянах отменно обучены, и по-французски, и этикету, и танцуют, как нимфы. И вдруг на тебе – грибки под водочку, кислая капуста, квас опять же! Не понимаю, как это все в них соединяется?

17 июня

Аграфена Федоровна сегодня ждет портниху, выписанную из Петербурга. Решили сшить новые наряды, чтобы развеселить барышню. Скоро бал у Левашевых. Скоро приедет Мишель. Скоро большая охота... с кострами, катанием на лодках, стрельбой и гончими.

Александра стала чувствовать себя намного лучше. Кашель почти прекратился, бледность исчезла. Но прежняя ее веселая манера, любовь к жизни все еще не вернулись. Доктор говорит, это вопрос времени.

Вчера вечером произошло странное событие, которое изрядно меня напугало. Я раскрыла окно в комнате, расстелила постель, приготовившись ко сну, и подумала, не сесть ли мне за дневник. Перенесла свечу на бюро и только обмакнула перо в чернила, как услышала какой-то тихий шорох. Дверь из моей комнаты в коридор была закрыта, и я решила, что мне показалось. Но шорох повторился.

Я подумала, что барышня может испугаться, если услышит. Не знаю почему, я почувствовала сильный холод, меня аж затрясло, и зубы застучали. Накинув на плечи теплую шаль, я на цыпочках, стараясь не шуметь, подошла к дверям, приложила ухо. Тихий, но отчетливый шум в коридоре заставил меня затаить дыхание. Кто это или что это?

Ручка на моей двери поворачивается беззвучно, но довольно-таки туго. С большим трудом мне удалось приоткрыть дверь и заставить себя выглянуть в коридор. Я вся дрожала, не то от страха, не то от холода. А вернее, и от того, и от другого вместе. Ничего, кроме непроницаемой темноты и еле слышного шороха... как будто шелестит камыш или сухая трава...

Я не могла решиться и открыть дверь пошире: какая-то жуть сковала мое тело и разум. Не знаю, сколько я простояла так, в оцепенении. Наконец, молитва вернула мне самообладание. Я взяла свечу и вышла в коридор. Мне показалось, что потянуло как бы сквозняком... Хотя это невозможно. Все окна и двери в доме на ночь закрывали. Разве что в комнатах они могли быть отворены, но все двери в комнаты вдоль коридора оказались плотно закрытыми.

Едва переставляя как будто налитые свинцом ноги, дрожа от страха, я двинулась по коридору в сторону барышнинных комнат, моля Всевышнего о том, чтобы странный сквозняк не задул свечу. Двигаясь очень медленно, я, как во сне, преодолела несколько метров, отделявших меня от комнаты Александры...

В самом низу, у слабенькой полоски света, пробивающейся в щель из-под двери, я увидела небольшое темное пятно. Что бы это могло быть?.. Мне пришлось наклониться, чтобы его рассмотреть. Пятно казалось густым и маслянистым. На его поверхности что-то плавало.

Я дотронулась до пятна пальцем и, поднеся его к свече, едва не закричала. Думаю, ужас перехватил спазмом мое горло, иначе я не смогла бы удержаться. Это была кровь!..

Вне себя от испуга, я бросилась к двери в комнату Марии Федоровны и стала громко стучать. Она открыла почти сразу же. Поняв по моему лицу, что произошло нечто из ряда вон выходящее, она тут же последовала за мной.

Мы вдвоем рассматривали страшное пятно, не в силах вымолвить ни слова. На его поверхности плавали лепестки красной розы, – единственной розы, распустившейся в оранжерее как раз сегодня утром. Это был любимый розовый куст Александры, который она сама поливала и единственный распустившийся бутон которого вызвал у нее такую бурю восторга, что мы все радовались, узнавая прежнюю барышню.

Мария Федоровна вошла к Александре, убедилась, что с ней все в порядке.

– Она спит, но очень беспокойно, все время вздрагивает и стонет во сне. Полина! – обратилась она ко мне по-свойски, как будто я была ее подругой. – Если хоть одна живая душа узнает, что мы тут видели, – не удастся скрыть это от Александры. Нового потрясения она не вынесет. Горячка вернется, и тогда неизвестно, к чему это приведет.

Мы вдвоем, стараясь не шуметь, принесли воды, тряпку, вытерли пятно и вымыли пол у двери.

Потом разошлись, каждая к себе. Замкнув свою комнату, я никак не могла успокоиться. Только придвинув к двери сундук, в котором я хранила зимние вещи, мне удалось совладать с волнением и страхом. Я улеглась в постель и, как ни удивительно, почти мгновенно заснула. Сказалось нервное напряжение, истощившее мои силы. Я проспала как убитая до самого утра...

18 июня

Рассвет сегодня выдался хмурый, серые тучи затянули небо, низко нависли над рекой и садом. Ветер гнет деревья, срывает листву. Вот-вот пустится проливной дождь.

Барыня велела закрыть все окна, убрать с террасы диваны и столики. После утомительной ночи я чувствовала себя разбитой. Кровавое пятно не выходило у меня из головы.

Мария Федоровна спустилась к завтраку, как всегда, причесанная, тщательно одетая. Только залегшие под глазами тени выдавали то, что и она провела ночь в нелегких раздумьях. Она заговорщически подмигнула мне, и мы уединились в углу гостиной, за карточным столиком, где нас никто не мог слышать.

– Мадемуазель Полина, – обратилась она ко мне с усталым и озабоченным видом. – Я не смогла сомкнуть глаз почти до самого утра. В доме моей сестры происходят странные и зловещие события, за которыми определенно прослеживается чья-то недобрая воля. Кто-то намеренно пытается повредить нашей семье, и в первую очередь Александре. Зная, как безумно любят ее отец и мать, я не сомневаюсь, что цель выбрана превосходно.

– Но кому это могло бы понадобиться? – удивилась я. – У господ нет врагов. Они живут в кругу своей семьи, в придворных интригах не участвуют, с соседями поддерживают добрые отношения, многим помогают. Их дом всегда открыт для гостей, которым оказывается самый радушный прием. Их все любят...

– Понимаю, дорогая Полина, что тебе не хочется подозревать кого бы то ни было. Вы тут живете довольно тесным обществом в привычном и уютном мире. Но события не происходят сами по себе. Всегда есть причина, есть некто или нечто, кто руководит, рассчитывает и направляет если не свою, то чью-то руку. Увы! Если под дверью молодой госпожи появляется пятно крови, на поверхности которого плавает ее любимая роза, *то был кто-то, кто сделал это.*

– Да, – отвечала я с поникшей головой. – Однако как же нам теперь быть? Рассказать все господам?

– Ни в коем случае. То, что произошло прошлой ночью, никому не известно, кроме нас с тобой и злоумышленника. Он предполагал, что сии действия – кровь, цветок – произведут губительное впечатление на барышню, которая не совсем еще оправилась от болезни. Но ужасные последствия удалось предотвратить. Тот, кто сделал это, сейчас в недоумении. Он, или она, – не знает, кому из домочадцев попалось на глаза пятно и кто убрал его. К тому же злая цель не достигнута! Теперь негодяй может выдать себя. Ну и в любом случае... он вынужден будет повторить попытку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.